



РОМАН ЗЛОТНИКОВ

НАСТОЯЩЕЕ
ПРОШЛОЕ

И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Настоящее прошлое

Роман ЗЛОТНИКОВ

**Настоящее прошлое.
И снова здравствуйте!**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Настоящее прошлое. И снова здравствуйте! / Р. В. Злотников —
«Эксмо», 2021 — (Настоящее прошлое)

ISBN 978-5-04-112035-1

«Всё, изложенное в этой книге, есть полная и абсолютная фантазия».
– Р. Злотников Как бы не так! Автор переносит нас в дни своей юности, наполненной музыкой, спортом, любовью и планами на светлое будущее, поэтому в книге правды больше, чем обещают первые строки. Уважаемый писатель отказывается от дорогостоящего курса «эмаосент-восстановления», он понимает, что ему осталось недолго. За спиной успешная жизнь, а впереди должна ждать неизвестность. Но, казалось бы, навсегда закрывший глаза герой открывает их в семидесятых и быстро понимает, что ему – четыре. Как снова стать большим и сильным, чтобы всю использовать знания взрослого мужчины? Неужели придется расти заново, но смотреть на мир зрелым, опытным взглядом? Похоже на то... А впереди ждут первые друзья и завистники, любовь и стремления, спортивные достижения и главный философский вопрос переместившегося во времени «нужно ли что-то менять?».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112035-1

© Злотников Р. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Роман Валерьевич Злотников

Настоящее Прошлое

И снова здравствуйте!

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Злотников Р. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Должен сообщить, что все, изложенное в этой книге, есть полная и абсолютная фантазия автора, не имеющая никакого отношения к действительности. Все действия происходят исключительно в параллельном мире. А все упоминаемые автором континенты, страны, города, горы и реки, а также актеры и режиссеры, политические деятели и бизнесмены, инженеры и программисты, певцы и телеведущие и иные публичные и частные лица не имеют никакого отношения к реальности и являются абсолютно вымышленными персонажами из параллельной реальности. Даже если имена и названия некоторых из них покажутся вам знакомыми.

Я стоял на сцене Dorothy Chandler Pavilion и смотрел на совсем не худенькую и не очень-то симпатичную, но чертовски талантливую американку средних лет, с улыбкой протягивающую мне микрофон. Мы с ней были достаточно близко знакомы. А как иначе – все-таки как-никак она снималась в трех моих фильмах. Так что она смотрела на меня вполне доброжелательно и даже поощряюще. Мол, давай, приятель, вперед – ты добился своего и вознесся на самую вершину мира. Покажи же ему, как ты крут! Она даже не представляла, насколько точно угадала мои намерения... Я взял микрофон и оглянулся. Позади меня стояла целая толпа: Гай, Квентин, Анджелина, Брэд, Кейт и старина Картрайт, который, как обычно, обильно потел и потому даже здесь, на сцене, старался исподтишка вытереть лицо и обширную лысину ставшим уже почти насквозь мокрым платком. Моя команда... Те, кто помог мне сделать самую крутую молодую студию Голливуда. Они были пока еще очень молоды, но уже, без всякого сомнения – звезды. Я тихонько вздохнул. Простите, ребята, но после того, как я скажу все, что собираюсь, у вас начнется очень тяжелый период. И, возможно, кое-кто из вас не сможет пережить его без потерь. Без очень тяжелых потерь... Да и ты, Вупи, тоже прости. После всего, что я сейчас скажу, тебя вряд ли когда-нибудь еще пригласят вести церемонию награждения «Оскар». Но так надо!

Я сделал шаг вперед и с извиняющейся улыбкой взял микрофон из рук Вупи Голдберг. После чего повернулся к залу, наполненному тремя тысячами, без сомнения, самых красивых,

ухоженных, роскошно одетых, богатых и невероятно успешных людей планеты Земли, за которыми в прямом эфире с жадностью наблюдали еще несколько десятков миллионов человек, и поднес его к губам...

* * *

Это утро началось вполне обычно. Я проснулся около шести часов и долго лежал, собираясь с силами для того, чтобы встать. Если тебе восемьдесят девять, то твой день, как правило, начинается с боли. Ноют суставы. Колет в боку. Позвоночник раздраженно напоминает о том, что ты лежал целых шесть часов. Да мало ли болячек успевают накопить организм к этому возрасту? Но я не жаловался. Все равно ведь вариантов нет. Теломерная терапия сохраняет эффективность где-то до пятидесяти пяти, максимум шестидесяти лет, а появилась она, когда мне как раз шестьдесят и стукнуло. Ну а более-менее приемлемой по цене стала вообще лет пятнадцать назад. Самый же дешевый курс «эмаосент-восстановления», которое, как говорят, является достаточно эффективным в любом возрасте, до сих пор стоил от десяти миллионов. Ну а таких денег не было не то что у меня, но и у всей семьи в целом... Нет, идея «собрать папе/дедушке/прадедушке» у родных регулярно возникала, особенно у самых молодых представителей семьи – внуков и правнуков, но я ее успешно блокировал. На курс они, может быть, и собрали бы, но точно при этом залезли в долги, которые потом долго очень отдавали. А у большинства ведь уже и свои семьи имеются. Ну или планируются в ближайшем будущем... Так что незачем ради такого старика, как я, в долги залезать. Им и так найдется на что кредиты набирать. Дети, жилье, а там и собственная теломерная терапия на подходе. Первые-то курсы довольно дешевы, а вот уже начиная с третьего цена начинает расти практически по экспоненте... Вследствие чего выбора у меня особенно не было – или живи и страдай, или умри. Умирать же пока не очень хотелось. Да и страдания были по большей части именно по утрам. То есть с момента как проснулся и до того, пока не сделал зарядку.

Полежав где-то минут пятнадцать, я решил, что пора прекращать маяться ерундой и надо вставать.

– Эхк... – Ноги с кровати удалось скинуть с большим скрипом и слегка застонав.

– Уфпв... – Захрустевший позвоночник выразил свое неудовольствие резкой болью, заставив меня замереть на несколько мгновений.

– Ы-ых. – Подъем на ноги обошелся уже легче, заставив лишь слегка охнуть и напрячь дрябловатые старческие мышцы. Боль же, сопровождавшая это движение, на фоне двух предыдущих казалась почти незаметной.

Сделав шаг вперед, я выдохнул и остановился перед комодом, над которым висело довольно большое зеркало, после чего оглядел себя и повел плечами. Да уж, красавчик... Седой, всклокоченный со сна чубчик надо лбом, который из-за парочки солидных залысин казался куда большим, чем он был на самом деле, лицо, изрезанное морщинами будто грецкий орех, и дряблая кожа, густо покрытая пигментными пятнами. Я криво усмехнулся своему отражению и, глубоко вздохнув, наклонился вперед, положив ладони на комод.

Первые движения чжэньцянянь прошли со скрипом и хрустом. Но с каждым прогибом позвоночник гнулся все легче и легче. Затем пошли цзяоча шуанлуньбэй, а после них – оба жаохуань. Сначала жаохуань даньби, а потом и жаохуань цюю. После махов руками я перешел к ногам. Чжэнбаньтуй, цэятуй, хоуятуй... В оздоровительном ушу все базовые движения достаточно просты. Чуть более сложно правильно дышать. Ну да технику я вообще не использовал. Она применяется во время акробатических элементов или прыжков – а это явно не мой вариант. Мне достаточно просто на ногах стоять более-менее уверенно. Но и переходы от тоу к шэнь и уж тем более к цюю тоже не сахар. Чуть сбился – и все. Эта песня хороша – начинай сначала. Что же касается всякой мистики типа ци – то я в это просто не верил. Энергии, силы

– да чушь все это... Нет, время от времени возникали некие странные ощущения, но я считал это либо результатом самовнушения (хоть я и считал это чушью, но ведь что телевизор, что интернет чуть не лопались от всяких разглагольствований на эту тему), либо просто итогом хорошей разминки. Кровь быстрее побежала и всякие хрящики, связки, суставы хорошенько размялись – вот и срабатывает этакий «эффект плацебо»...

По идее, можно было бы не заморачиваться этой модной восточной муйней, а делать какой-нибудь из обычных армейских комплексов вольных упражнений на шестнадцать счетов, но пять лет назад, когда умерла жена и я свалился в депрессию, внук взял и оплатил мне занятия в секции ушу. И не просто оплатил, а еще и каждый день срывался с работы и лично отвозил меня на занятия, а потом забирал и привозил домой. Вот я как-то и привык. Да и внука не хотелось обижать... Впрочем, тогда меня пасли все. И дочь, которой нынче уже исполнилось шестьдесят один, и сын, которому стукнуло пятьдесят четыре, и внуки – все семеро и даже старшие правнуки. Особенно Алена. Прабабушкина любимица. Недаром ее и назвали в честь прабабки... Правнучка вообще переехала ко мне и спала в соседней комнате. Даже на свиданья с мальчиками отсюда бегала... Уж больно по мне тогда ударила смерть жены. Все-таки шестьдесят лет вместе – это не шутка!

Закончив с зарядкой, я выдвинул верхний ящик комода, на который опирался при выполнении упражнений, и, достав свежее полотенце, двинулся в душ. В хорошо размятом теле боли почти не чувствовалось. Так – редкие отголоски. Ну и суставы похрустывали...

Когда я вышел из душа, в квартире обнаружился гость. Вернее, гостья.

– Привет, дедуль, я на минутку! – Алена чмокнула меня в щеку и тут же плюхнулась к компу. – Я тебе там омлетик сварганила, пока ты мылся. Завтракай!

– Что, у самого руки отсохли бы? – пробурчал я, направляясь на кухню. – Совсем, что ли, инвалид?

Но на сердце все равно потеплело. Внуки и правнуки регулярно забегали ко мне по утрам – поведать, спросить, надо ли чего, сгонять в магазин, но завтраки мне делала только Алена.

– Де-ед, – догнал меня звонкий голосок правнучки, когда я уже вышел из комнаты, – а какой у тебя пароль на компе? Напомни, а...

– Ты же знаешь?! – удивился я.

– Да забыла уже! Он у тебя такой замороченный...

– И никакой не замороченный. Всего семь цифр. Это номера выигрыша американской лотереи...

– За которым никто не пришел, – весело закончила за меня Алена. – Это случилось в девяносто каком-то году. Помню-помню, ты мне рассказывал. Но сами цифры я забыла. И цифр точно не семь, а больше.

– Семь, – категорично заявил я. – Просто большая часть – двойные, – и без запинки продиктовал весь набор.

– Вошла! – весело крикнула правнучка, когда я отрезал первый кусок омлета. – И чего ты попроще что-нибудь не поставишь?

– Потому что чего попроще я могу забыть. А этот пароль у меня намертво в память вбит, – усмехнулся я. – Еще с тех же девяностых, – а потом вздохнул. Ну да, когда я впервые прочитал о том казусе в какой-то желтой газетке, которых в девяностые выходило туева хуча, мне страстно захотелось, чтобы все эти выигранные кем-то миллионы взяли и свалились мне на голову. Вот так, внезапно... Я вообще в тот момент дико мечтал разбогатеть. И, поскольку никакой легальной или хотя бы реальной возможности сделать это у меня тогда не было, я мечтал о всяких невозможных случаях. Мол, иду вечером со службы, а тут из-за поворота вылетает «шестисотый» – а за ним погоня. Менты! Или там джип, ну который «широкий». Конкуренты то есть. Ну и перестрелка! И тут – раз, в преследуемом «шестисотом» открывается окно, из которого в кусты вылетает дипломат. А когда вся эта кавалькада скрывается вдаль, я

тихонько подбираюсь к дипломату, а там – опа, баксы! Сто тысяч! А может, даже и сто пятьдесят... Большие суммы мне тогда представить было сложно. Да и вообще казалось, что и ста тысяч хватит на все. Самая супер-пупер четырехкомнатная квартира в нашем городке стоила тысяч шестьдесят. Машина... «Волга» стоила меньше десяти тысяч баксов. «Лада» «девятка» меньше семи. За схожую сумму можно было купить «Опель Рекорд» или «Форд Сьерру» лохматого года, которые уже начали появляться на просторах рассыпавшейся страны, а если чуток добавить – то и «Ауди-100» модели «крокодил». Еще из иномарок у нас были в доступе подержанные «японцы», которых гоняли через всю страну с Дальнего Востока по раздолбаным грунтовкам и зимникам, да понтовые «шестисотые» и те же «широкие». Но последние стоили совсем уж конски и даже в мечтах в качестве кандидатов в собственный автомобиль мной тогда не рассматривались. Машина ценой в двухкомнатную квартиру – да на фиг такое счастье!

Еще я тогда с жадностью читал истории о найденных кладах, о ценностях, изъятых у арестованных воров в законе и раскрытых шпионов. И не только читал – я завел себе блокнот, в который выписывал подобную информацию – где, что, сколько, как нашли. Как морок какой-то тогда охватил...

Впрочем, продолжалось это недолго. До «МММ». Ну да, я тоже в это вляпался. Нет, потерял я по сравнению с большинством тех, кто влез в это дело, немного – долларов двести... Впрочем, это смотря с чем сравнивать. Тогда двести долларов примерно соответствовали полутора моим месячным зарплатам. А копил я их втайне от жены почти два года. Так что сами считайте – много это тогда было для меня или немного...

– Ну все, дед, я побежала, чмоки! – Звонкий голосок Алены раздался из комнаты, когда я уже допивал чай.

– Беги уж, шобутная... – пробурчал я в ответ, но меня уж никто не услышал. В прихожей хлопнула дверь, и квартира снова погрузилась в утреннюю тишину.

Таблеток было шесть. Потому что была среда. Во вторник и пятницу мне надо было принимать по восемь. А в воскресенье всего три. Так что, закончив с завтраком, я вытащил из ящика упаковки с блистерами и аккуратно разложил таблетки на салфетке, поставил рядом полный стакан воды. После чего ухватил первую, синенькую, которая «от давления», и забросил ее в рот, запив двумя глотками воды. Второй пошла «от сердца». Затем обычный аспирин, который я принимал «для разжижения крови». Нет, были и более продвинутые препараты, но стоили они раз в пятнадцать дороже, так что на фиг, на фиг... Ну а после пошли все остальные.

Покончив с таблетками, я минуту посидел, а потом встал, вернулся в комнату и занял кресло перед компом, нагретое убежавшей правнучкой. Эта стрекоза даже не закрыла открытые «окна». И чего это она тут смотрела? Перинатальные центры Москвы? Оп-па...

После появления теломерной терапии демографическая ситуация в мире в который раз радикально поменялась. Ну как минимум в наиболее развитой его части... Дело в том, что самым приемлемым возрастом ее начала везде стали считать двадцать пять лет. То есть время, когда организм находится на пике, но процессы естественного роста уже точно завершились. Потому что теломерная не только почти в два раза замедляла процессы старения организма, но и параллельно она еще точно так же замедляла и процессы его развития. Не все и не настолько же, но, скажем, процесс формирования мышечной массы точно замедлялся. Как и процесс формирования новой костной ткани. То есть тем же спортсменам и выздоравливающим прием этих препаратов был категорически противопоказан. И с беременностью дело обстояло точно так же – прием препаратов теломерной терапии во время беременности гарантированно приводил к недоразвитию плода... Все это привело к тому, что вопреки всем прежним тенденциям «мамочки» резко помолодели. Большинство молодых женщин теперь предпочитало поскорее родить двоих-троих детей подряд, чтобы к двадцати пяти годам уже выполнить, так сказать, свой долг перед семьей и природой и спокойно «сесть» на теломерную терапию. Чем плохо-то в пятьдесят пять лет, то есть в возрасте, когда эффективность терапии резко падает, а затраты

на нее сильно возрастают, иметь организм, которому биологически только-только исполнилось сорок...

Так что все было закономерно. Алене уже двадцать один – самое время рожать. Но все равно – новость ошеломила. Я встревоженно нахмурился. А потом похлопал по карману рубашки и досадливо сморщился. Вот ведь растяпа – «валидол» на кухне забыл! На самом деле эти капсулы назывались как-то по-другому, куда более заковыристо, но предназначались для того же самого, для чего и валидол. Вот я их так и называл. Стар уже всякие заковыристые слова запоминать... Потом перелистнул пару «окон». Да уж, выросла девочка... а и хорошо! Жизнь продолжается, дети рождаются – чему тут печалиться-то? Я улыбнулся и, закрыв «окна», открытые правнучкой, вывел на экран текст своей новой книжки.

Писателем я стал совершенно неожиданно для себя. Скажи мне кто году эдак в девяностом, что меня ждет подобная стезя – я долго ржал бы и крутил пальцем у виска. Потому что всегда не любил писать. Ну вот совсем. Ненавидел практически. Преподаватели в военном училище регулярно гнобили меня за слишком скудные и куцые конспекты, а когда я выпустился и стал молодым взводным, то любой проверяющий, который прибывал на мои занятия с личным составом, непременно писал в замечаниях, что «план-конспект занятий недостаточно проработан». И вот на тебе такой поворот... А вот читать я любил с детства. Да что там любил... я просто глотал книги! Может, оттуда все и пошло. Ну, типа не нашел книгу, которую захотел прочесть, – вот и пришлось написать ее самому...

Проработав до полудня, я поднялся из-за стола и, со скрипом потянувшись, двинулся в прихожую. Одеваться. Каждый день, если на улице не было дождя или сильного ветра, у меня была двухчасовая прогулка в парке, расположенном неподалеку от дома, за время которой я должен был находить не менее шести километров. Пока жена была способна ходить – мы гуляли вместе. У нас даже были отработаны два основных маршрута, которые назывались: «вокруг озера» и «вокруг двух», а также дополнительный, «включающийся» после того, как пройдены основные. Он именовался «а давай еще вокруг оврага кружок сделаем?». Но и после ее ухода прогулки так же остались неизменным пунктом распорядка. Ибо старые суставы просто не выдерживали долгого ограничения подвижности при работе за компьютером. Так что если, не дай бог, у меня начинало, как я это называл, «переть», то есть текст шел, да так, что я забывал о времени и пропускал установленные сроки прогулки, то подобный «творческий порыв» всегда заканчивался тем, что в конце него я выбирался из-за компа, кряхтя, подвывая и упираясь кулаком левой руки в занемевшую поясницу. Ну и колени тоже начинали всю «стрелять» болью. Так что даже во время подобных «творческих порывов» приходилось все равно следить за временем и выбираться на прогулку. Наступая, так сказать, на горло собственной песне... Впрочем, подобные «прорывы» нынче случались у меня не так уж и часто. Последний такой был, дай бог памяти, месяца четыре назад, а то и раньше. А все остальное время, наоборот, приходилось мучаться и напрягаться, выдавливая из себя новые строчки. Увы, после смерти жены работа над текстами шла очень уж туго. Похоже, вместе с ее смертью из моей жизни ушло что-то очень важное и очень значимое, что во многом и составляло ее смысл. Но ничего более я делать не умел. Вот не завел себе никакого хобби. Не собирал корешки и веточки в парке, чтобы делать из них всякие поделки, не выжигал на досках, не рифмовал стихов – только писал книги. А сидеть, ничего не делая, и тупо пялиться в телевизор у меня не получалось и раньше.

Первый, так сказать, «подход к снаряду» у меня случился еще в школе. Начитавшись фантастики, я взял да и написал письмо братьям Стругацким. Так, мол, и так – хочу написать фантастический роман, сюжет такой-то. Если честно, писал, не надеясь на ответ. Ведь кто я – обычный школьник, а они – мэтры, гении, фигуры! Но параллельно с этим крутилась в голове потаенная мыслишка и о том, что я ох какой классный сюжет придумал. Так что, может, мэтры оценят и как напишут по нему книжку, на обложке которой, само собой, появятся не две, а три

фамилии... Да даже если и нет – все равно появится книжка, которую я хочу прочитать. Ну недаром же я ее придумал! Ну ладно, не книжку, а тот сюжет, на основе которого ее напишут...

Действительность оказалась немного другой. Мне ответили. Но письмо в руки я получил только через три месяца после того, как оно пришло. Эти три месяца мои мама с папой хранили письмо, мучаясь выбором – отдавать мне его или не отдавать. А ну как юному сынуле с неокрепшей психикой факт письма от столь знаменитых людей так врежет по мозгам, что они протекут? Но потом все-таки отдали. Письмо было от Бориса Натановича. Он по-доброму хвалил за задумку, советовал дерзать, но к работе отнестись серьезно – сделать рисунки звездолетов, схемы планетных систем, нарисовать карту планеты, на которую прилетят космонавты... а еще – заняться правописанием. Подучить правила, поработать над пунктуацией. Уж больно много ошибок наделал в письме будущий знаменитый писатель... Ответ и обрадовал и разочаровал. Разочаровал тем, что вот не оценили мэтры и корифеи мой гениальный сюжет, не стали писать по нему книжку, то есть взяли и всю мою работу на меня же и скинули. И поскольку, как уже упоминалось, писать я не любил – никакой книжки тогда не родилось. Хотя карту планеты и нарисовал. А также парочку звездолетов. Поскольку как раз в это же время заканчивал детскую художественную школу. Так что с рисованием у меня все было более-менее. Не отлично, нет, а так – между тройкой и четверкой. По меркам художественной школы, естественно... Хотя в общеобразовательной школе я учился как раз хорошо. Даже отлично. Вследствие чего являлся постоянным участником всяческих общешкольных и городских олимпиад по физике и математике. А пару раз добирался и до республиканских...

Вернувшись с прогулки, я вытащил из холодильника одноразовые судки с готовой едой, которую время от времени заказывал в одной из служб доставки. Время от времени, потому что дети и внуки меня не забывали и регулярно подкидывали мне чего-нибудь вкусенького. Так что по большей части чего поесть из домашнего у меня почти всегда было. Ну а когда случались нестыковки – я вполне себе обходился службами доставки. Увы, сам я готовить не умел. Ничего. Даже извечно мужские блюда вроде шашлыка или ухи. В юности не сподобился, а потом с такой мастерицей, как моя Аленка, учиться этому мне не было никакой необходимости...

После обеда работа пошла чуток поживее. Ну, дык, после прогулки-то... Мне вообще лучше всего думалось над сюжетом в движении. Это пошло еще с военного училища. Про нашу «альма-матер» шутили, что идти туда нужно только в случае, если хочешь научиться не только стрелять как ковбой, но и бегать, как его лошадь. И по большому счету были совершенно правы. Ежемесячно каждая курсантская рота уходила из училища на минимум два полевых выхода. Один из них – на стрельбище, располагавшееся в двадцати восьми километрах от училища, занимавшего комплекс зданий в самом центре Саратова, в паре кварталов от вокзала, напротив университета, первые постройки которого относились еще к тридцатым годам прошлого столетия, а второй – в учебный центр, расстояние до которого составляло всего двадцать два километра. Причем все три первых курса курсанты тихо материли учебный отдел, каковой исключительно по неизбывной тупости (ну а как иначе-то!) всегда планировал двухдневные выходы на стрельбище и трехдневные в учебный центр на разные недели. Ведь дураку же ясно, что все можно сделать за одну неделю. Ибо стрельбище и учебный центр располагались всего в шести с небольшим километрах друг от друга. То есть в понедельник можно было уйти в учебный центр, в среду вечером, после занятий, быстро добежать до стрельбища (шесть километров – это не слишком сложный марш-бросок длительностью не больше часа), а в пятницу после обеда спокойно выдвинуться обратно в училище... И только на четвертом курсе, когда наш батальон прошел через масштабные трехдневные двусторонние учения, за время которых мы только маршами, без учета разворачивания в боевые порядки и последующих учебных атак, а также окапываний, ночных поисков и засад, отмахали сто пятьдесят восемь километров, после которых вернулись в расположение отнюдь не измученными и еле живыми, а вполне себе в

полной готовности не только к бою, но и к увольнению, до всех дошло, почему нас ежемесячно так гоняли... Вот во время этих унылых ежемесячных маршей я и начал пересказывать ребятам из своего курсантского взвода книги, которые успел прочитать. А к концу второго курса прочитанные книги закончились, и я начал, так сказать, нести отсебятину. В начале четвертого я в этом признался. Реакция оказалась вполне благожелательной:

– Да поняли мы уже все давно. Ты не ссы – у тебя получается. Так что давай – неси свою пургу дальше!

Вот, похоже, именно тогда у меня и появилась привычка придумывать сюжеты и эпизоды в движении...

Вечер прошел скучно. Телевизор я разлюбил лет в пятьдесят. После того как окончательно разочаровался в Евроньюс. Наши новости я перестал смотреть лет за пять до этого. Интернет... да мне уже давно вообще мало что было интересно. Считаю и фильмы, и игры, и блоги. Последние особенно не нравились. Благодаря тому, что при работе над книгами частенько приходилось буквально «по пояс» закапываться в ранее неизвестные сферы, я годам к пятидесяти стал весьма разносторонне образованным дилетантом. Да и попутешествовали мы в свое время довольно много. Сначала с семьей, потому как я считал путешествия таким дополнительным курсом образования для детей, а потом, когда они уже подросли и стали жить своей собственной жизнью, обзаведясь мужьями и женами, то вдвоем с моей Аленушкой. Мы с ней вообще были большими любителями этого дела. Прокатиться на машине пять тысяч километров по Европе, посетив по пути полтора десятка городов в восьми странах? Да легко! Слава богу с деньгами у меня после того, как я начал писать, стало намного легче. Нет, на виллу с яхтой и «Bentley Bentauga» не накопил, но на жизнь и путешествия хватало. Во всяком случае, тогда. Позже болезнь жены изрядно проредила накопления, так что пришлось влезть в долги, которые я до сих пор потихоньку отдавал. Слава богу, есть друзья, которые сказали: «Отдашь – когда сможешь!» Но даже и при этом на жизнь хватало с запасом, и какую-нибудь бюджетную поездку, типа автобусного тура в Прагу или Будапешт, я и теперь вполне мог себе позволить. Но после смерти моей любимой уже никуда особенно не тянуло. Тем более что серия эпидемий начала двадцатых годов этого века заметно изменила правила поездок. И хотя системных ограничений типа виз у нас с Европой уже давно нет, более того, мы после всех тех кризисов и реформативных процессов, через которые прошел Евросоюз в конце двадцатых, уже как бы даже и сами давно та самая Европа, причем входим в ее первый, то есть наиболее развитый и влиятельный слой, такого раздолья для путешествий, как в десятилетия, сейчас уже нет. Санитарные кордоны и санитарные патрули, кучи медицинских справок, дополнительные страховки – замучаешься готовиться. Так что путешествовать нынче стало уже не так удобно, как в те времена, когда мы с Аленкой мотались по странам и городам на своей машине...

Ну да вернемся к теме, так вот – вследствие всего этого общий тезаурус у меня был довольно объемным. Ну и навыки работы с информацией имелись. То есть умел сопоставлять факты, выстраивать логические цепочки и перекрестно перепроверять информацию. Вследствие чего подавляющее большинство популярных блогеров, существенная часть которых вещала под девизом «Люди, а вот оно как на самом деле – а нам-то все врал!»», ничего, кроме брезгливости, у меня не вызывали. Как оно было на самом деле, я знал лучше их, вследствие чего прекрасно понимал, что их блоги были переполнены тем же самым враньем не меньше, чем и официальные каналы. А у кого и больше... Ну а всякие там «распаковки», секреты домашних мастеров или упражнения для накачивания классных попок либо кулинарные премудрости, кухонные лайфхаки и все такое прочее меня вообще никогда не интересовали. Нет, был период, когда я смотрел кое-каких тревел-блогеров, но и они быстро наскучили. Потому как они монтировали свои передачи в основном для тех, для кого все эти «дальние страны» были недоступной экзотикой. Для меня же они являлись воспоминаниями. То есть я, смотря их каналы, частенько вспоминал, что за углом вон того здания есть маленькая уютная таверна,

где подают отличное мезе, а если пройти метров сто по набережной и перейти мостик – там будет великолепный военно-морской музей. Так что их ахи/охи/вздохи насчет того, как все здесь ново, необычно и интересно, которыми были щедро сдобрены все эти репортажи, меня не привлекали, а раздражали.

Где-то в одиннадцать вечера мне пришлось вылезти из-за компа вследствие того, что у меня сильно разболелась голова. Держась за стеночку, я добрал до кухни, залез в аптечку и сожрал горсть таблеток, после чего выбрался на балкон и просидел там около получаса, прихлебывая зеленый чай и ожидая, пока они подействуют. Но боль все не проходила. Некоторое время, поколебавшись насчет того – а не позвонить ли в «Скорую» либо кому из детей или внуков, я решил, что не хрен никого беспокоить. Поздно, да и не первый раз такое случается – к утру пройдет. Так что, допив чай, я встал и осторожно, все так же держась за стеночку, прошел в ванную, где намочил полотенце, а затем доковылял до кровати и аккуратно лег, положив себе на лоб этот компресс. После чего закрыл глаза. И умер.

Глава 1

– Мальчик, мальчик, что с тобой?

Глаза не хотели открываться категорически. Да и вообще в теле чувствовалась сильная слабость. Плюс ко всему и голова, собака такая, все еще болела, хоть вой.

– Мальчик... о, господи! – Звуки слышались тягуче и глухо, будто сквозь воду. – Эй! – сразу после этого возгласа послышался торопливый стук по дереву. – Эй, есть кто-нибудь! Тут ребенку плохо! У вас есть телефон? Надо срочно «Скорую»!

Блин, и ребенку какому-то еще плохо... И зачем стучать? Мобильника, что ли, нет? Поняв, что полежать в тишине все равно не удастся, да и ребенку следует помочь, я напрягся и открыл-таки глаза. Черт! Это где это я? Вокруг не было ничего похожего на мою квартиру. Вправо и влево простиралась узкая улочка, ярко освещенная жарким летним солнцем, а чуть впереди от нее отходил столь же узкий переулок. Если вспомнить, что вчера я гулял по парку, в котором даже к обеду лужи еще стояли затянутыми тонким ледком, мое удивление было вполне понятным. Но-о-о... все это было каким-то смутно знакомым. И даже родным. Однако разобратся до конца мне не дали...

– Господи, мальчик, ты очнулся? Ну слава богу! Как ты себя чувствуешь? Голова болит? – Тут меня бесцеремонно завертели. И я этому никак не препятствовал. Потому что впал в ступор. Так мальчик – это я?!

– Да что с тобой? Голова не кружится? – В голосе бесцеремонно крутящей меня тетки появились раздраженные нотки. – Как тебя зовут?

– Не кьюжится, – пробормотал я на автомате. – Вома... – Вот блин, я, оказывается, еще и букву «р» не выговариваю. Это сколько же мне сейчас лет? Или не мне, а этому телу, в которое я попал. Но тогда меня точно зовут как-то по-другому. Блин, полжизни писал о попаданцах – и вот на тебе... Ох не спалиться бы!

– Говори, где болит?

– Нигде. – Я ответил с некоторым удивлением. Потому что голова внезапно прошла. От боли остались только слабые отголоски. Ну, типа тех, про которые еще говорят «наболело». Да и вообще с каждой минутой я чувствовал себя все лучше и лучше. То есть боль была последствием вселения сознания? Черт – ни хрена не понятно...

– А чего ж тогда ты на асфальте разлежся? – Раздраженные нотки в голосе тетки стали куда более явственными.

– Не знаю. – Я пожал плечами, но затем на всякий случай выдал наскоро сляпанную, но вроде как непротиворечивую версию произошедшего: – Я шел, а потом вот... упал.

– О, господи – тебя надо врачу показать! Ты где живешь? Помнишь? – Уф, с одним, похоже, справился – раздраженные нотки из голоса тетки исчезли. Идем дальше... Я огляделся. Блин! Это же улица Горького. Причем не современная, а та старая, из детства. С редкими трех- и двухэтажными домами с одной стороны и маленькими одноэтажными домиками с участком с другой. В городе их почему-то называли «финскими», хотя их, согласно городским легендам, строили пленные немцы. В девяностые и в начале нулевых эти домики были снесены, а на их месте были построены особняки и трехэтажные дома на шесть-восемь квартир с гаражами на первом этаже. Но сейчас улица была точно такой, какой она мне помнилась из детства...

– Вон там! – Я вытянул руку и показал тетке на один из трехэтажных многоквартирных домов, тихо радуясь тому, что хоть с чем-то определился. Это был дом моих бабушки и бабушки, в котором я проживал вместе с ними с трех и до восьми лет. Родители заканчивали институт в Арзамасе, а потом еще отрабатывали обязательное распределение. Я их называл дедуся и бабуся и в первый класс пошел под их фамилией. Вследствие чего народ, кто знал меня в первых трех классах, потом ржал и дразнил меня шпионом. Потому что, когда я

учился в третьем классе, мои папа с мамой вернулись и в четвертый я пошел уже под другой фамилией... Я с ностальгией вздохнул. Трехэтажки были построены по роскошным сталинским проектам – с бомбоубежищами под ними, с кладовками в подвале на каждую квартиру, в которой хранилось все – от запасов картошки и самодельной квашеной капусты на зиму и до велосипедов и рыболовных принадлежностей, с широкими лестницами и просторнейшими лестничными площадками. Потолки в квартирах были высотой три с половиной метра, а самая маленькая комната имела площадь в восемнадцать квадратов. А еще там был длинный и широкий коридор, по которому я в детстве гонял на трехколесном велосипеде... Вон этот дом, я до него почти дошел!

– Так пойдем, я отведу тебя домой.

Домой? Хм-м-м... Я оглянулся по сторонам. Так, белый день и, похоже, будний. Потому как вокруг довольно пустынно – то есть народ на работе. Вон и тетке, когда она стучала в калитку ближнего финского домика, никто не открыл... Тут я вздрогнул от пронзившего меня воспоминания. Оп-па, это ж, наверное, день, когда я ушел из детсада! Был у меня в биографии такой случай. В самом начале моего пребывания в этом достойном учреждении. В сад меня отправили, едва только мне исполнилось четыре года. В мае. А сейчас... ну, может, июнь. И вот в один из дней мне стало грустно, скучно, так что я взял да и ушел. Прямо с площадки во время гуляния. Тем более что от моего сада до подъезда дома моих дедуся и бабуся было всего-то метров триста пятьдесят. Ну если через дворы... Вот бабуся тогда удивилась! После чего быстро оделась и отвела меня обратно. Весьма вовремя, кстати. Потому что воспитательницы уже по всем соседним дворам меня разыскивали в полной панике... Хм, а нужно ли мне в сей инцидент еще и эту незнакомую тетку впутывать? Я бросил на нее оценивающий взгляд. М-да, дама, судя по всему, весьма напористая. На хрен такое счастье! Я вскочил на ноги и, выпалив:

– Не надо – сам дойду! – рванул в сторону дома.

Но не своего, а двух соседних, которые представляли собой некий гибрид. Поскольку были построены по, так сказать, технологиям «финских», но при этом являлись двухэтажными и, м-м-м... несколько квартирными. Ибо, квартир в них было целых четыре. Маленьких и убогих. Я это знал, потому что в одной из таких жил мой приятель по детским играм Колька (двор-то у нас был один, вот в нем и познакомились), к которому я несколько раз заходил поиграть. Несколько раз, потому что приятельствовали мы с ним недолго. Сначала я переехал. Ну, когда приехали родители и забрали меня к себе в выделенную им семейную общагу. А потом и он. Когда тот дом расселили и снесли, выстроив на его месте огромную девятиэтажку индивидуального проекта с большим магазином на первом этаже, квартиры в котором по большей части заняли «горкомовские» и «исполкомовские». Отчего в народе этот дом метко прозвали «Дворянское гнездо»...

– Стой! Стой! Да стой же... от, оглашенный! – Тетка, сначала весьма резво припустившая за мной, довольно быстро отстала. Ну с такими-то телесами... Впрочем, я тоже, отбежав подальше, затормозил и пошел быстрым шагом. Да-а-а, дышалка у меня ни к черту. Какой тут бегать, как лошадь ковбоя... Хотя смешно. Если я не ошибся в своих прикидках – мне сейчас только четыре года! Какие уж тут лошади – максимум пони...

Добравшись до своего двора, я оглянулся. Тетка стояла и, тяжело дыша, смотрела мне вслед. Увидев, что я оглянулся, она погрозила мне пальцем. Я остановился и, сложив руки перед грудью в жесте приветствующего буддиста, несколько картинно ей поклонился:

– Не волнуйтесь, я – в нолме! Все холошо... и-и-и спасибо! – Зачем обижать человека? Особенно если это тебе ничем не поможет. А вот навредить вполне способно. Может, эта тетка тут часто ходит? В этом случае есть большая вероятность на нее наткнуться и получить на пустом месте скандал с наездом. Например, когда бабуся поведет меня в сад или там в часть на занятия по аккордеону. Интересно, а меня уже на них отдали? Ладно – это потом...

Тетка невольно улыбнулась и махнула рукой:

– Ладно уж, беги, артист!

Я еще раз поклонился и легкой трусцой побежал в сторону двухэтажек. Обогнув их, я выглянул из-за угла и, убедившись, что тетка ушла, снова выбежал на улицу Горького и помчался в сторону детского сада. На сей раз бабусю тревожить не будем. Хотя надо признать, что, кто бы там меня сюда ни отправил – момент он выбрал хороший. Никого близкого рядом, то есть некому просечь изменения в поведении в первые мгновения переноса. Хотя бы в первые мгновения... Ох-хо-хонюшки. Не спалиться бы.

На воспитательницу я наткнулся перед самыми воротами сада. Она как раз из них выбегала.

– Ромочка! – ахнула она, заметив меня. – Ты как, где, откуда?

– Гулял, – выдавил я после того, как она схватила меня и прижала к себе.

– Как? Почему? У тебя все нормально? Не ударился? Где болит?

– Нормально, – выдавил я. Блин, как же ее зовут-то? Вот никаких предположений. Лицо вспомнилось, а имя – хрен!

– Ты почему ушел с площадки? – Воспитательница оторвала меня от себя и сердито нахмурила брови.

– Соскучился... – пробурчал я, опустив голову.

– Ох! – Воспитательница окинула меня растерянным взглядом и присела на корточки, встревоженно уставившись на меня.

Ну еще бы – кто знает, что там в башке у малолетки? А ну как устроит истерику? В прошлый раз я запомнил ее очень взрослой тетей, ну с высоты моих-то четырех лет... а сейчас передо мной стояла совсем молодая девчонка. Вряд ли старше двадцати трех. У нее, возможно, и своих-то детей еще нет, а она тут с чужими как-то разбираться пытается.

– Ну-у-у, ты бы подошел ко мне – мы бы что-нибудь придумали... – с явственно ощущаемым сомнением в голосе произнесла она. И действительно – что она могла придумать-то?

– А вы бы меня не пустили, – тихо ответил я.

– Ну-у-у... все равно – уходить не следовало. Тем более так – никому не сказав. Знаешь, как за тебя все переволновались?

– Я понимаю. – Я тихо кивнул и опустил голову еще ниже. – Поэтому и вейнул. Подумал, понял, что вы волноваться будете, и вейнул. – Я поднял взгляд и уставился на воспитательницу максимально наивным взором. – А вы никому не скажете, что я уходил?

Воспитательница нахмурила брови, затем подумала и, рассмеявшись, кивнула:

– Ладно, так уж и быть – никому не расскажу, – после чего ловко поднялась на ноги и, потрепав меня по волосам, протянула руку. – Давай руку, бегун, и пойдем в группу...

В группе как раз был обед, после которого, насколько я мог припомнить, наступал тихий час. Войдя внутрь, я открыл шкафчик, к которому меня подвела воспитательница, и долго снимал сандалики и переодевал тапочки, искоса рассматривая уже приступивших к трапезе детей. Хм, интересно, а мое-то место где? Поскольку нянечка не расставляла еду на столах, а накладывала в подставленные детишками тарелки, которые они разбирали из горки, наваленной рядом с кастрюлей, угадать с этим было сложно.

– Нашли? – дежурно поинтересовалась нянечка, усмехаясь. – Ну ладно, бегун, давай, хватай тарелку и иди сюда. Проголодался небось, набегавшись...

– Ха! Бегун! – заверещал тонким голосом пухлый мальчик за дальним столом. – Ой не могу – бегун. Вот умой! Ха-ха-ха...

Я зло сморщился. Вот откуда такие берутся? В любом коллективе обязательно найдется какой-нибудь урод, которого хлебом не корми – но дай потоптаться на оступившемся. Или просто слабым. В любом! Даже таком сопливом.

– Тиша, перестань. – Воспитательница сморщилась.

Похоже, этот жиртрест у нее также не пользуется особенной любовью. Учтем.

Взяв тарелку с гороховым супом, я уселся на свободное место подальше от этого Тиши. Судя по тому, с каким удивлением на меня посмотрела девочка, сидевшая на соседнем стульчике, с местом я не угадал. Но парочка злобных взглядов, которые я весьма демонстративно бросил в сторону жиртреста, дали окружающим повод придумать себе объяснение моему занятию не своего места.

Обед закончился быстро.

– Так, дети, – хлопнула в ладоши воспитательница, – скажем спасибо Дарье Васильевне...

– Спа-си-бо, Дай-я, Ва-силь-ев-на! – тут же хором выдали полтора десятка детских глоток. Ну вот и узнал, как зовут нянечку. Еще бы с воспитательницей разобраться.

– ...а теперь быстренько сдвигаем столики и раскладываем постели. Быстро-быстро-быстро!

В группе поднялись толкотня и суматоха. Я чуть задержался, чтобы не влезать в толпу, образовавшуюся около нянечки, принимавшей грязные тарелки и стаканы из-под компота, и, лишь когда рассосалось, поволок свою посуду на сдачу. Заодно и разобрался в том, что постели здесь оказались маленькими детскими раскладушками, на которые раскатывались такие же маленькие матрасы, внутри которых были закатаны уже застеленные простынки с одеялком и небольшая подушечка. Ну прям кукольная. Впрочем, иного варианта, кроме как раскладушки, и не просматривалось. Если только матрасы прям на пол постелить, как в Америке. На группу приходилась всего одна комната, причем не то чтобы больших размеров. А вот когда мои дети пошли в садик, у них уже таковых было две – спальня и игровая. И санузел. Здесь же туалет был в коридоре.

Я дождался пока все разберут раскладушки, собираясь забрать последнюю, которая, по идее, как раз и должна была оказаться моей. Но с подобными расчетами получился облом. Потому что в шкафу остались аж четыре раскладушки... Впрочем, подойдя вплотную, я разглядел-таки свою. Потому что в нишах над тремя другими сиротливо лежал одинокий скатанный матрас с подушкой без наволочки. И только над одной был виден полный комплект белья.

Установив раскладушку и раскатав матрас, я вышел в коридор и двинулся в сторону туалета. Уже выходя из группы, я бросил взгляд назад. Жиртреста не было видно. Ждет меня в туалете? Отли-ично! Сейчас все и порешаем.

Тиша меня действительно ждал. И не один. Рядом крутилась еще парочка «шакалов». Ну или просто интересующихся.

– Гля, ебя, – мерзко захихикал он, стоило мне только появиться в двери. – Бегун! А-ха-ха-ха-ха... ыхек!

Последний возглас вырвался у него после того, как я молча подошел к нему вплотную и, опустив руку, быстро зажал в кулак все его невеликое хозяйство, сразу же стиснув его изо всех своих слабеньких сил. Жердьяй мелко задрожал и тихо завыл.

– Ну? Чево не смеешься-то? – Я угрожающе надвинулся на него. – Ты давай посмейся. И я тогда тебе твои яйца вообще отойву! Ну? Давай смейся! Ы-ы-ы... Ну? Я жду, – прошипел я, дергая его «хозяйство» из стороны в сторону.

– Ы-ы-ы...

– Ну чего ты – давай! А у меня йука уже устала пйосто дейжать. Я уже дейнуть хочу!

– Ы-й-а... – тоненько заверещал «Тиша».

– Чего? Не поняй? – Я покосился по сторонам. Оба зрителя, или прихлебателя, молча стояли рядом и испуганно пялились на меня.

– Ы-й-а боше не бу-у-у-уу...

– Чего не будешь?

– Двазни-и-и-иться.

– Пьяавда? – Я повел руку вверх, заставив жиртреста подняться на цыпочки. А ведь ему, пожалуй, на самом деле очень больно.

– Обеща-а-а-ю... ы-ы-ы... псти-и-и-и...

– Ну смотьи – ты сам сказал. – Я разжал кулак и сделал шаг назад. – Если снова ет откешь – так легко не отделаешься. Закопаю! – Последнее слово я прорычал и, скорчив максимально свирепую рожицу, резко качнул головой вперед, будто бы собирался ударить его лбом в нос. Жиртрест испуганно отшатнулся и, поскользнувшись, шмякнулся на пол туалета. Все, завершающая точка поставлена. Страх противника отфиксирован. С первой победой в новой жизни тебя, Вома...

Дойдя до группы и забравшись под одеяло, я криво усмехнулся. Да уж – победа. Загнобил четырехлетку. Молодец, блин, – орел прямо... Нет, со стороны все круто. Их было трое. Жиртрест меня тяжелее минимум на четверть, да и явно в местных «паханах» ходил, как ни смешно это звучит для группы детского сада. Но в подобных противостояниях физическая сила или иные силовые ресурсы, как правило, находятся далеко не на первом месте. То есть не то чтобы вообще не важны, но второстепенны. А первостепенно то, насколько сильная у тебя воля и как ты способен противостоять психологическому давлению. И вот здесь я, со своим взрослым сознанием и жизненным опытом почти девяностолетнего мужчины, был против четырехлетнего пацана как танк против «Запорожца». Слишком несопоставимые величины. Так что ничего славного в подобной победе и быть не могло... А с другой стороны – возникшая проблема решена. Как и, возможно, парочка других. Потому что, как я уже давным-давно понял, если спустить возникшую проблему на тормозах, в надежде, что оно само как-нибудь рассосется, то эта нерешенная проблема потом неминуемо начинает порождать новые. Причем не менее, а часто более серьезные и в хрен знает каком количестве... Ладно, проехали. Сейчас, пока все вокруг сопят в одну дырочку, есть время в тишине и спокойствии разобраться с тем, что со мной случилось и что мне дальше делать. Я перевернулся на бок и, рефлекторно сунув руку под щеку, прикрыл глаза...

– Па-адем! Подъем! – Я сонно блыкнул глазами и удивленно огляделся. Вот, блин, – уснул! Похоже, детский организм свое взял... Эх ты – а воспитательница-то новая! А – ну да, вспомнил! Они работают по полдня. С утра одна, после обеда – другая. И наоборот. А эта-то постарше будет...

– Добрый день, дети, – очень рада вас видеть! – Лицо воспитательницы озарилось доброй улыбкой. Похоже, это действительно так. Уж больно искренняя у нее улыбка.

– Доб-рый день, Ве-ра Ев-гень-ев-на! – громко, но вразнобой прокричали дети. Ты смотри, какие тут порядки! Вот совсем ничего этого не помню... В этот момент воспитательница подошла ко мне и, наклонившись, негромко поинтересовалась:

– Ты как, Ромочка, не грустишь больше? Алевтина Александровна мне про тебя рассказала, потому что я за тебя отвечаю, но больше – никому! – Она приложила палец к губам. Опа – вот и имя воспитательницы! Но на подобное нарушение слова нужно отреагировать. Так что я тут же насупился.

– А обещала – совсем никому... – хотя на самом деле все было закономерно. Мне и в голову не пришло ожидать, что никто никому ничего рассказывать не будет. Мне ж ведь на самом деле не четыре года, чтобы на это рассчитывать... Так что ситуация вполне в рамках расчетной. Не удивлюсь, что, когда вечером бабуся придет меня забирать, эта Вера Евгеньевна ей тоже расскажет. Все в пределах правил – взрослые должны знать обо всех девиациях в поведении детей. Ну, чтобы успеть их как-то купировать, если дело зайдет слишком глубоко... К тому же мне это тоже в настоящий момент выгодно. Ведь точно же сегодня вечером буду густо косячить. Не помню ж почти ничего. Где, то есть на каком стуле/кресле/диване люблю сидеть, во что играть, что люблю кушать/пить, то есть стоит ли блюду, приготовленному бабусей на ужин, порадоваться или, скривившись, закапризничать, ну и так далее. А так будет хоть какое-то оправдание – стресс, психологическая травма... Со всех сторон выгода! Но и не отреагировать, получается, нельзя. Ибо это будет психологически недостоверно.

Оставшееся время в детсаду прошло в пределах нормы. Ну почти. Потому что полдник снова вверг меня в ступор. А вы бы как отреагировали, если бы вам в детском саду на полдник подали черную икру?! Да-да, реально! Кусок не очень вкусного белого хлеба, а на нем солидный такой шматок настоящей черной икры. Понимаете, насколько я обалдел? Нет, наш городок относился к системе Минсредмаша и вообще являлся первым советским наукоградом, так что снабжался он намного лучше не только соседних населенных пунктов, но и самого областного центра. Однако черной икры в детском саду я не помнил напрочь. Даже сначала подумал, что искусственная. Но нет – оказалась родимая, настоящая... Я аж четыре порции сожрал. Потому что остальные дети к этому деликатесу отнеслись весьма прохладно. Жиртрест даже пробурчал:

– Опять этот рыбий жир...

Я покосился в сторону нянечки и воспитательницы и, заметив, что они отвлеклись, повернулся к нему и, широко улыбнувшись, сделал жест рукой. Типа «Welcome!». Тиша сначала обалдело вытаращился на меня, явно недоумевая от того, что кому-то может понравиться подобная дрянь, но тут же, воровато оглянувшись, шмякнул перед мной бутерброд. А спустя пару мгновений рядом появилась еще парочка. От двух прихлебателей, все так же отиравшихся поблизости. Причем, похоже, от меня, а не от жиртреста...

Потом были игры и ужин. На ужин была подана картошка пюре и котлеты. Ну, или биточки. Поскольку они были такими одновременно круглыми и продолговатыми. А потом мы снова вышли гулять на площадку.

Меня забрали одним из первых. Бабуся не работала, поскольку, как жена офицера, была профессиональной домашней хозяйкой. Так всю жизнь за ним и скиталась. Насколько я помнил, этот город был для них четырнадцатым местом службы. А в гарнизонах с работой для женщин всегда было плоховато. Вот она и привыкла заниматься домом. Но делала она это не только виртуозно, но прямо-таки истово. Перед любым приездом гостей бабуся вылизывала квартиру до полного блеска, умудряясь начищать даже советский хрусталь машинной обработки, что было весьма нетривиальной задачей. А затем, уже по приезду делала смущенный вид и, разведя руками, начинала провокационно извиняться:

– Прошу простить – у нас так не убрано... – после чего с удовольствием выслушивала бурные комплименты чистоте и порядку. Вот такие у нее были маленькие хитрости...

Когда она появилась на площадке, Вера Евгеньевна, которая весь вечер приглядывала за мной заметно больше, чем за другими, не стала сразу меня подзывать, а устремилась ей навстречу и начала что-то взволнованно ей рассказывать. Я же все это время делал вид, что ничего не замечаю и увлечен совершенно другим. Ну да – я придумал себе развлечение. А вы сами подумайте – насколько мне интересно было возиться в песочнице с совочками и машинками? Вот то-то... Так что я придумал хватать за руки по паре девчонок, взбираться с ними на горку и, составив «паровозик», с шумом и визгом скатываться вниз. Нет, никакого сексуального подтекста во всем этом не было. Во-первых, мое нынешнее детское тельце вообще никаких реакций не выдавало. Ну не вырабатывает оно еще никаких потребных для чего-то подобного гормонов от слова совсем. Во-вторых, и сами девчонки в нашей группе даже на мечту педофила не тянули. Я как-то читал, что те любят таких худеньких, воздушных, с тонкими ручками-ножками, внешне беззащитных. Наши же были скорее «купидончиками» – крепенькими, щекастенькими с бантиками-крылышками и громкими голосами. А кое-кто и вообще «бомбочки»! Но визжали они прикольно и с удовольствием...

Пока шли домой – бабуся молча сердилась. Она вообще, как я уже вспомнил, была со мной более строгой, чем дед. Нет, любила она меня не меньше его. Но по-своему. Дедуся меня любил таким, какой я есть. Уж не знаю, кого он во мне видел – себя ли в молодости, нерожденного ли сына-наследника, поскольку моя мама была у них с бабусей единственным ребенком, или просто любимого внука, но я от него практически никогда не слышал ни единого грубого

слова. Он прощал мне все: обиды, плач, косяки. Он просто был рядом и всегда подставлял мне плечо. Что бы ни случилось. Бабуся же... Она чувствовала за меня ответственность. За то, каким я вырасту. И потому я регулярно получал от нее поучения и выговоры. Ну, когда что-то делал не так. Поэтому она сейчас и сердилась. Ну я же явно заслуживал очередной нотации, но, как мне представляется, воспитательница попросила ее сохранить в тайне то, что она ей все рассказала. Так что если бабуся начнет ругать меня за то, что я ушел из садика, то тут же сдаст этим воспитательницу. И кто знает, как я потом к ней буду относиться? Поэтому у бабуся сейчас явно наблюдался небольшой когнитивный диссонанс. С одной стороны, воспитывать нужно, поскольку есть за что, а с другой – нельзя.

Когда мы дошли аккурат до того места, где я пришел в себя, она наконец справилась со своим желанием начать меня поучать немедленно и решила раскрутить меня на чистосердечное признание.

– Как прошел день?

Я, до сего момента давший полную волю своему детскому телу, вследствие чего мое передвижение за руку с бабусей представляло собой череду верчений и подпрыгиваний, замер, опустил голову и покаянно выдавил из себя:

– Хоешо.

– Все хорошо?

Я пару мгновений подождал, а потом медленно мотнул головой:

– То есть? Не все? А что нехорошо?

Блин, да что ж такое-то! Мои глаза сами собой начали наполняться слезами. Нет, сейчас это было вполне в тему, но проблема была в том, что эта реакция оказалась совершенно рефлекторной. Я ее абсолютно не контролировал. Детское тело отреагировало подобным образом само. Судя по всему, на тон, каким были заданы вопросы. Это я так что, и описаться могу? Бли-и-ин...

– Я... я... я ушел из садика... – В принципе слезы в голосе были вполне уместны. Меня бесило исключительно то, что я не мог их контролировать.

– Вот как? А зачем?

– Я соскучился... – Тут я слегка унял слезы и бросил на бабуся взгляд исподлобья. Хм, а не попробовать ли мне выщиганить у бабуся с дедусей какую-нибудь спортивную секцию? В прошлый раз меня отдали в бассейн, на плавание, но произошло это в шесть или семь лет. Почему бы не начать пораньше? Перед тем как заснуть, я успел сделать первые прикидки того, что и как мне делать, если меня отправило в это время надолго. И занятия спортом были едва ли не самым первым, чем я собирался заняться. Сначала плаванием и гимнастикой, а как подрасту и окрепну, то и каким-нибудь единоборством. Чем лучше разовьешь тело в молодости, тем больше оно тебе в старости скажет «спасибо» – более поздним старением, меньшим количеством болезней и патологий, гораздо позже наступившей дряхлостью. Даже если я опять пролечу с теломерной терапией. Что совершенно не факт! Раз я про нее знаю – значит, можно как-то придумать, чтобы она появилась заметно раньше. Ну наверное... Что же касается спорта – то тут еще важно не переборщить и не вляпаться в спорт высших достижений. Потому что вот там как раз здоровье реально гробится...

– И вообще в садике скучно. Потому что там неитовесно, – перешел я к обработке «объекта» и, добавив в голос капризных ноток, заканючил: – Не хочу в садик! Хочу... – но закончить фразу не успел. Потому что бабуся резко остановилась и, развернувшись ко мне, окинула меня строгим взглядом, после чего резко произнесла: «Кто ты такой, мальчик?!»

Глава 2

– Уфм... фух! Уфм... фух! – Легкие работали как хороший насос. Вдох через нос – выдох через рот одновременно с движением. – Уфм... фух! – сделав последний мах ногой, я перешел к цэятуй – разминке и растяжке суставов ноги путем бокового давления на нее. Все получалось... странно. Потому что, с одной стороны, детские кости и суставы были еще очень гибкими, так что растяжка получалась на загляденье. Одно то, что я уже после недели занятий вполне себе садился на шпагат, причем получилось у меня это практически без мучений, – говорило само за себя. С другой – этому телу пока заметно не хватало координации. А еще во время одного из занятий со мной произошло нечто очень непонятное.

Это случилось, когда я наконец справился с цзою жаохуань – параллельными махами руками в стороны с одновременным разворотом таза вправо-влево. Тогда у меня поначалу все шло наперекосяк – то руки двигались вразнобой, то поворот в сторону запаздывал или, наоборот, опережал махи, а больше всего трудностей было с дыханием – оно то срывалось, потому что я никак не мог приспособиться к своему пока еще маленькому объему легких, то, наоборот, вдох затягивался до момента, когда руки уже начинали движение вперед или назад. Но затем, при одном из повторений, как-то все очень совпало – и мах, и движение тазом, и ступни оказались поставлены абсолютно так, как надо, и дыхание тоже очень точно вошло в ритм со ставшими какими-то очень четкими движениями. И вот в самый, так сказать, кульминационный момент мне показалось, что где-то в районе солнечного сплетения у меня зарождается какая-то странная боль. Но, вместо того чтобы остановиться, я, к своему собственному удивлению, как-то «на автомате» попытался как бы «встроить» эту боль в чудом пойманный мной ритм движений. Найти ей место. И оно нашлось... Что это было – я пока так и не понял. Мне показалось, что в один момент из той самой точки, в которой зародилась боль, во все стороны хлынула странная, болезненная, но при этом и какая-то приятная волна, сначала разошедшаяся по всему телу, а затем «выплеснувшаяся» вовне через макушку и кончики пальцев на ногах и руках, отчего в этих местах будто бы закололо маленькими иголочками. От этого меня повело, и-и-и... я, похоже, наступил на плохо пригнанную доску пола. Вследствие чего стекла в серванте весьма звучно звякнули. Я встревоженно замер, и тут же с кухни послышался голос бабуси:

– Рома, ты что там, балуешься?

– И ничего я не балуюсь, – торопливо отозвался я, после чего на всякий случае торопливо добавил: – Прьосто оступился.

– Ударился?

– Не-ет. Нар-рьмально все, ба! – Ну да, я уже всю осваиваю букву «р»...

После чего, поприслушивавшись еще несколько секунд – не идет ли бабуся проверять, что у меня тут случилось, внезапно обессиленно рухнул на пол. Блин – вот что это сейчас было? И почему на меня навалилась слабость? Да еще доска эта... Я вытянул ногу и сердито потыкал ее пяткой. Хм, странно... она, конечно, едва заметно выпирала над полом одним краем, но на своем месте сидела плотно. Я посидел с полминуты, а потом осторожно поднялся на ноги и еще раз попинал доску ногой. Да нет – плотно сидит... А отчего тогда стекла зазвенели? Это что, у меня действительно получилось почувствовать и «выплеснуть» ту самую энергию, о которой все любители всяких восточных единоборств так упорно талдычат? Да нет – бред! Иначе почему я ее тогда раньше не чувствовал? Ну, когда делал эти упражнения там, в далеком будущем. Или все-таки что-то чувствовал, но не верил? Да нет, не было там ничего такого... Или дело в том, что в моем старческом теле просто было мало энергии, а в этом, детском, наоборот?

Как бы там ни было, после этого случая при выполнении комплекса упражнений, который я старался делать как минимум раз, а если получалось, то и два в день, мне теперь приходилось учитывать и место на полу, на которое можно встать, и расположение мебели и окон. Теперь я старался встать так, чтобы траектория махов руками и ногами не завершалась в сторону серванта, окна или стола, на котором стояла большая ваза из красного стекла, привезенная дедом из Германии. Ну, чтобы, если у меня опять случится подобный «выплеск», ничего не зазвенело и не разбилось... Но более никаких «выплесков» у меня не случилось. Хотя время от времени, при особо старательном и удачном выполнении некоторых упражнений, мне начинало казаться, что по телу снова начинает «прокатываться» знакомая волна. Вот только теперь эти волны были намного слабее той, первой. И затухали, едва дойдя до шеи, локтей и коленок. Впрочем, скорее всего в этих ощущениях было повинно излишне развитое воображение и переполненное гормонами роста детское тело...

Проделав серию шуайяо, я ловко изогнулся и, уперев в пол руки, закончил комплекс упражнением ся яо, как по-китайски именовался обыкновенный «мостик». Несколько раз подвигав руками и ногами в таком положении, я с легким хрустом разогнулся. И в этот момент из коридора послышался щелчок выключателя туалета. Ого – дедуся уже встал? Это значит меня скоро придут будить. А после разминки я точно не смогу принять заспанный вид... Так – значит, хватаем полотенце и первым бежим в ванную!

– Опять сам вскочил. – Бабуся покачала головой и улыбнулась, как только я выскочил из ванной и сунул нос на кухню. Она покачала головой. – Зачем только? Сегодня ж тебе в сад идти не надо. Ну да ладно – тогда иди быстро убирай постель и садись с дедом завтракать.

– А чего на завтрак?

– Пшенная каша. И чай с бутербродами.

– Сладкая?

– Сладкая, сладкая, – рассмеялась бабуся. Она не признавала вчерашнюю еду. Да и вообще несвежую. Для каждого приема пищи все готовилось по новой. Завтрак – так завтрак. Обед – так обед. Единственным исключением были суточные щи. Но и они, чаще всего будучи сготовленными, убирались в дальний угол кухни, где и ждали сутки, прежде чем приходила их очередь подаваться на стол. Были у нее какие-то хитрости, которые делали такие щи с выдержкой в одни сутки более вкусными, чем только что сваренные. Значит, они и подавались именно с задержкой в одни сутки.

Я весело попрыгал в комнату, размахивая полотенцем. Блин, как же я счастлив, что мои любимые дедуся и бабуся живы, здоровы и рядом со мной! И любят меня точно так же, как я и помнил. Не то что в тот момент... ну когда... ну-у-у, вечером, после сада... ну когда я из него убежал... то есть в день, когда я как раз и появился в этом прошлом...

Та сказанная бабусей фраза буквально ввергла меня в ступор. Как? Где? Когда? Кто меня раскрыл? Это воспитательница? И что она рассказала обо мне бабусе? Поверит ли та, что я все еще ее внук, просто старше. Причем старше, чем она сейчас... И что рассказывать про будущее? Они же тут коммунизм ждут. Его наступление Хрущев аккуратно к восьмидесятому году обещал, насколько я помню. Ну и как мне им рассказывать, что Советский Союз вот так возьмет и развалится, причем без мировой войны, глобального голода и иных общепланетарных напастей? Да меня тут в психушку сдадут с подобными заявами... А бабуся между тем окинула меня суровым взглядом и продолжила весьма строгим тоном:

– Мой внук никогда так себя не ведет! Он не кричит, не капризничает и слушает, что ему говорят взрослые. – Тут она вздохнула и покачала головой: – Похоже, в садике ошиблись и выдали мне вместо моего внука – другого мальчика. Пожалуй, надо вернуться и разыскать моего Ромочку...

– Не надо! – Тело снова отреагировало само. Я бросился к бабусе, обхватил ее обеими руками и, крепко прижавшись, разревелся. – Я твой, я Вома, я ваш с дедусей...

Несколько мгновений я громко ревел, вцепившись в бабуся, а затем мне на макушку опустилась теплая женская рука, и мягкий голос бабуся произнес:

– Ну, ладно, будет... Не плачь. Я уже вижу, что ты и есть мой Ромочка... Просто не веди себя больше так.

– И буду! – проревел я сквозь слезы.

– Ну все, все... заканчивай давай. Пошли уж домой, горе ты мое луковое... Я на вечер блины испекла. Да и дедуся скоро со службы вернется – а нас нет. Вот он взволнуется! Пошли уже.

Вот так и закончилась моя первая, ну и, наверное, последняя попытка покапризничать...

Бабуся каша была, как всегда, невероятно вкусной. Так что я не только умял целую тарелку, но еще и попросил добавки. Дед, сидевший напротив, довольно крикнул:

– Молодец! Мужиком растешь... Знаешь, как раньше в деревнях работников нанимали? Приходит мужик наниматься работником, так его хозяин за стол сажает и смотрит, как работник ест. Если плохо ел – так гнали взащей. Потому как толку с такого работника никакого. А если хорошо – значит, справно работать будет!

Я эту байку знал. Дед меня ею все время попрекал, если я за столом капризничал. Так что я просто поднял голову, улыбнулся деду, буркнул: «Угум!» – и продолжил активно работать ложкой... После того как я начал просыпаться по утрам на час раньше и втихаря делать комплекс ушу, у меня резко увеличился аппетит. Что очень радовало моих дедуся и бабуся. Поскольку они исповедовали классический подход дедушек и бабушек – внук должен был быть чисто вымыт и накормлен до отвала, а остальное – от лукавого!

А вот с занятиями у меня явно вырисовывалась проблема. На то, что я сумею сохранять в тайне свои занятия ушу сколько-нибудь долго, я не надеялся. Спят. Квартира двухкомнатная. И хоть бабуся с дедуся спят в спальне, а я ночую в гостиной на кресле-кровати, то, что я по утрам занимаюсь какой-то странной муйней, – рано или поздно точно окажется замеченным. Я ведь деда-то засекаю только по щелчку выключателя туалета, который расположен буквально в одном шаге от дверей гостиной. Он же, как кошка, ходит. Абсолютно бесшумно. А как вы думали – он у меня фронтовой разведчик-диверсант. Войну начал старшиной, а закончил старшим лейтенантом. И какую войну! На которой даже в обозе выжить было очень непросто. Бомбежки, «котлы», прорывы. Немцы – вояки жесткие. А он в тыл к ним ходил. Причем не раз, не два и даже не десяток... Так что вздумай он сначала зайти поцеловать внука – тут и будет мне фокус с последующим разоблачением. Потому как объяснить ему, откуда его внук узнал все вот эти движения, я точно не смогу. Дед ведь сразу поймет, что это целостный комплекс. Он же у меня еще тот волкодав. Джиу-джитсу владеет! Ему всех советских разведчиков учили, пока окончательно не перешли на самбо. А мой дедуся – крутой разведчик. За войну не один десяток «языков» перетаскал. Ему командующие армиями задачи ставили. Он мосты рвал за четыреста километров от линии боевого соприкосновения и в интересах наступательной операции фронта. Его, кроме пеших разведрейдов, еще и восемь раз в тыл немцам с парашютом забрасывали. На него дважды похоронки приходили...

Про войну дед мне рассказывал довольно много. У нас с ним это называлось «быль».

Я там, в покинутом будущем, читал заявления разных товарищей о том, что, мол, «настоящие» ветераны никогда не вспоминали о войне. Херня все это – вспоминали, но очень по-разному. Над какими-то воспоминаниями, бывало, и ржали, а над какими-то – плакали. Помню, то ли на двадцать третье февраля, то ли на майские приехали к деду друзья-сослуживцы. Сели, выпили, а потом начали песни петь. Много пели. От «Бьется в тесной печурке огонь...» и «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу...» до «Синенького, скромного платочка». И во время последней я заметил, что дед не поет почти, а плачет. Вот так едва губами двигает, а по щекам слезы... Тогда я постеснялся спросить почему, но уже много позже собрался с духом и спросил. И он рассказал.

Это уже в сорок четвертом было. Они оборону держали. Окопались основательно. По полному профилю. ДЗОТы обустроили. Ходы сообщения. Блиндажи возвели в три наката. Почему в три – так самые распространенные немецкие гаубицы калибра десять с половиной сантиметров три наката не брали. Наши двадцатидвухмиллиметровые такое перекрытие брали – а немецкие нет. Так что все солидно сделано было, основательно... И так случилось, что у его друга, взводного, именно в этот день был день рождения. Двадцать лет парню исполнилось. Юбилей! Вот они и собрались в самом большом блиндаже отметить это дело. Участок фронта у них тихий был, немцы их давно особенно не тревожили, да и темнело уже – так что решили, что можно. Большой компанией собрались. Почитай, все ветераны роты вне зависимости от званий. И ефрейторы там были, и сержанты, и старшина с офицерами. Ну и дед тоже. Он тогда уже из разведчиков ушел и до ротного дорос. Человек сорок в блиндаж набилось. Считай, половина роты... Посидели, выпили, закусили, чем бог послал и старшина принес. А потом дед вышел из блиндажа. Посты проверить надо было – ну он и пошел. А когда дошел до крайнего, немцы в ночную атаку пошли. Да под прикрытием артиллерии. И вот первый же снаряд тот блиндаж и накрыл. Причем был он не десяти с половиной сантиметровый, а куда более крупный... И не то беда, что он всех своих друзей, с кем уже не первый месяц бок о бок воевал, в том блиндаже потерял. Война – дело такое, тут смерть рядом ходит... А то, что не все там сразу умерли. Кого ранило да бревнами завалило, кого землей присыпало, и он лежал кровью истекал. Но раскопать их и как-то помочь было нельзя. Немцы поперли как угорелые, а у него и так от роты, почитай, половина в строю осталась. Причем большинство командиров в том блиндаже оказалось. То есть рота, считай, без управления. Так что единственную команду, которую он мог отдать, – стоять насмерть! Вот они и отбивались почти час, не в силах оторваться от винтовок и пулеметов, и при этом слушая, как их друзья стонут и кричат под завалом, один за другим отходя в вечность. После того как немцы откатились, из четырех десятков заваленных удалось откопать только троих. Да и для них уже поздно было. Так на его руках эти трое и умерли... Вот так и случилось, что для него «Синий платочек» вовсе не лирической песней стал, а, считай, похоронным маршем.

После того как дед ушел на работу, я отпросился у бабуся погулять. Несмотря на будний день, сегодня мне в детсад идти было не надо. Потому что в саду был объявлен санитарный день. Так что до самого обеда я мог заниматься чем захочу. Вот только игры в песочнице меня, понятное дело, не очень-то привлекали. С горки покататься... ну тоже понятно. В парк нельзя. Он был совсем рядышком – через улицу... вот только эта улица носила величественное наименование «проспект Ленина» и являлась главной улицей города. Ну или как минимум его старой части. И мне, в мои четыре года, не разрешалось пересекать его в одиночку. Нет, я бы, конечно, справился – но вдруг увидит кто из знакомых и потом доложит бабусе? И какое наказание она мне тогда придумает? Спасибо – не надо. Мне ее «Кто ты такой, мальчик?» хватило. Нет – парк тоже пролет... О, придумал! А схожу-ка я до своей первой школы. До нее не слишком далеко. Ненамного дальше, чем до детсада, – метров четыреста. Только в другую сторону. Правда, на пути тоже надо будет переходить через улицу, но та совсем узкая, и машины на ней появляются дай бог раз в час. Их сейчас вообще не очень-то и много. Потому что советский народ живет еще очень бедно. Не по карману ему машины. Так что на наш четырехподъездный сорокаквартирный дом личный автомобиль имеется только у одной семьи – у нас...

Школа встретила меня тишиной и пустотой. Ну дык лето... Входные двери были открыты, об охране в это время никто и слыхом не слыхивал, поэтому я некоторое время пошлялся по первому и второму этажам, пытаюсь вспомнить, как оно было в тот раз. Но потом плюнул и вышел на площадку перед входом. Не вспоминается ни хрена – хоть ты тресни! Ну да ладно, сейчас все равно все будет по-другому. Так что я еще пару минут постоял на крыльце, а затем двинулся к углу, собираясь обойти здание.

На заднем дворе оказалось не так пустынно. У тыльной части правого крыла, рядом с воротами, на здоровенной куче бумаги уныло сидели два пионера. Ну прям таких классических – пилотки с кисточкой, рубашки с короткими рукавами, пионерские галстуки, синие шорты, а на ногах гольфы и сандалики. Пионерам явно было жарко и скучно. Так что, когда я подошел поближе, один из них лениво повернул голову и уставился на меня:

– Чего тебе, малявка?

– А вы чего тут сидите? – поинтересовался я.

Пионер подумал, почесал ухо, но потом решил ответить:

– Машину ждем. Макулатуру грузить.

Странно... насколько я помнил, макулатуру мы вроде как обычно собирали во время учебного года. А сейчас лето, каникулы, в школе никого – кто ее собирал-то?

– Так мы с «площадки», – все так же лениво пояснил пионер.

И я вспомнил... В это время детей на лето старались куда-то пристроить – в пионерский или спортивный лагерь, к бабушке в деревню и так далее. Ну а если не удавалось и с бабушками тоже было туго, то при школах организовывались «летние площадки». Ответственными за них назначали, как правило, физрука или старшую пионервожатую. И нечего ржать! Была в школе подобная штатная должность. Сидела в комнате пионерской дружины вместе с горнами, барабанами, знаменем и наглядной агитацией. Отвечала за общественную работу и деятельность школьной пионерской дружины... Детей на «площадку» приводили утром, и они весь день были под присмотром – играли, с ними проводились всякие спортивные соревнования, они ходили в лес, а кое в каких школах даже и на речку. То есть это был такой лайт-вариант пионерского лагеря. Без ночевки.

– А-а-а, – протянул я.

Пионер презрительно покосился на меня и картинно сплюнул:

– Чего «а-а-а», малявка? Будто знаешь, что это такое...

Я рефлекторно насупился. Блин, черт бы побрал эти самопроизвольные реакции тела! Но в следующее мгновение мне на глаза попался какой-то драный журнал, валявшийся на асфальте чуть в стороне от основной кучи, и я замер, впившись в него взглядом! Пионер насто- рожился:

– Э, ты куда уставился? Это – наша макулатура!

Хм, понятно, добром выпросить не получится – можно и не пытаться... Я оторвал взгляд от журнала и, улыбнувшись пионеру, сделал два шага вперед, переместившись так, чтобы привлекая мое внимание остатки журнала оказались между мной и распахнутыми воротами. После чего удивленно округлил глаза, уставившись за спину пионерам и озадаченно спросил:

– А вот это что?

Более ленивый даже не отреагировал, продолжая пребывать в некоем подобии нирваны, а вот тот, с которым у меня завязался диалог, обернулся и озадаченно спросил:

– Где?

Но я уже мчался к воротам, на ходу подхватив нужный мне журнал.

– Стой! Стой, гад! Отдай макулатуру! Не ты собирал! – заорал пионер, а в следующее мгновение за моей спиной раздался топот преследователя. Но я несся как сраный рекс, выкладываясь на полную. Да я сотку на соревнованиях в училище с меньшим напряжением бежал, нежели сейчас... Так что мой побег оказался успешным. Через несколько секунд из-за спины послышался громкий вопль:

– Ну, гад, гляди – попадешься ты мне... – После чего топот преследователя стих.

Я чуть убавил темп, но не рискнул остановиться, пока не добежал до соседних с нашим домом «финских» двухэтажек. Только добравшись до них, я перешел на шаг, а затем и остановился, тяжело дыша. Да уж – дышалка ни к черту... пора начинать бегать. Потихоньку, не

нагружаясь, но пора. Отдышавшись, я повернулся и побрел к качелям. Настало время изучить добычу...

Добыча порадовала. Мне достался кусок журнала «Наука и жизнь» со статьей о «японской борьбе карате». Ну так было написано в статье... Год и месяц установить было невозможно, потому что обложки отсутствовали как класс. Вместе с существенной частью остального содержимого. И вообще от журнала осталось чуть больше трети. Но статья сохранилась полностью. И еще в ней был не только текст, но и рисунки. Я и уставился на журнал потому, что заметил их... Ну вот и выход! Сначала будем «изучать движения по рисункам», а затем, потихоньку, и читать научимся. Вот как раз по этой статье...

Однако мой хитрый план едва не накрылся медным тазом из-за пристрастия бабуся к чистоте. Обрывок журнала-то был довольно грязным и потому оказался мгновенно приговорен к выкидыванию. Когда добытый с таким трудом журнал уже навис над мусорным ведром, у меня началась форменная истерика. Я завыл, потом заорал, рухнул на пол и начал колотить кулачками по сине-белой плитке из линолеума, которой был покрыт пол кухни. Причем я осознавал, что выгляжу полным идиотом, но поделать ничего не смог. Это была реакция организма на охватившее меня ощущение полного и безнадежного краха.

Откачала меня бабуся. Рывком подняла с пола, обняла и, глядя по голове, испуганным голосом запричитала:

– Ну, ладно, будет, будет... Раз нужна тебе эта грязь – так бери. Ну перестань, перестань...

А я не мог остановиться. Слезы сами катились из глаз, тело вздрагивало, а голосовые связки выдавали на одной ноте сиплое:

– Ы-ы-ы-ы...

Успокоиться удалось только минут через десять. А дрожь прекратилась еще минут на пять позже. Черт бы побрал это детское тело и его суперреактивные надпочечники! Гормоны взрывают кровь раньше, чем я успеваю подумать и прикинуть хоть какой-нибудь вариант более-менее адекватного разругивания ситуации.

Успокоив меня, бабуся быстро разобралась с тем, что мне нужен не весь этот журнал, а всего лишь одна-единственная статья из него. После чего она аккуратно оторвала часть со статьей о карате, решительным жестом отправив остальное в мусорное ведро. А затем обрехала ножницами измызганные края страниц, осторожно протерла их тряпкой с теплой водой и высушила утюгом. На этом дезинфекцию посчитали совершившейся, и листки были торжественно вручены в мои трясущиеся от нетерпения ручонки. Так что к возвращению дедуся я уже старательно пыхтел на ковре в большой комнате, пытаясь изобразить описанные в статье движения. Дед вошел, сел в кресло, понаблюдал за мной пару минут, потом взял листки и, быстренько пробежав статью по диагонали, хмыкнул и заявил:

– Ерунда это все.

– Почему?

– Потому что если драться кулаками – так бокс лучше, а если вообще без правил, то есть как в уличной драке, – то после пары ударов начинается возня вплотную. Причем часто еще и на земле. А там все эти... – он прищурил глаза и, чуть запинаясь, прочитал, – маваси гири – вообще ни о чем. Джиу-джитсу куда полезнее будет. Или самбо. Потому что там имеются захваты и болевые приемы. Да и вообще, удары ногами – почти всегда ерунда полнейшая.

– Почему? – вновь повторил я.

– Потому что они медленные, – отрезал дед и, снова хмыкнув, закончил: – То есть могут сработать только против слепоглухонемого инвалида-дистрофика. А пытаться ударить ногой более-менее подготовленного бойца – в большинстве случаев только подставиться.

В принципе все это я знал и сам. Но больше теоретически. Поскольку первый раз нечто подобное нам рассказал инструктор по рукопашному бою во время моей учебы в военном училище. Да и другие тренеры-инструкторы, встретившиеся мне на жизненном пути, тоже гово-

рили нечто подобное. Но дело в том, что применять полученные на подобных занятиях навыки в жизни мне не довелось. Опасные ситуации во время службы решались практически исключительно огнестрелом, а несколько острых ситуаций в гражданской жизни разрешились парой обычных затрещин и разбитыми носами. От чего-то более серьезного бог миловал... А вот за словами и, главное, интонацией деда явно чувствовался боевой опыт. Причем опыт смертельной схватки. Ну, когда или ты, или тебя... О парочке подобных ситуаций я знал. Он мне их, как те самые «были», рассказывал. Одна случилась, когда на отходе их диверсионную группу перехватили немцы. Как раз после этого на него первый раз похоронка пришла... Его тогда четверо фрицев зажали. В плен захватить пытались. И остальные двое выживших из его группы это увидели. А вот как он их раскидал и потом по одному положил ножом и лопаткой – уже нет. Поэтому они, когда к своим вышли, так и доложили – погиб, так сказать, командир, в смертельной схватке с врагом. А поскольку они вышли почти на полмесяца раньше деда, то на него не только написали похоронку, но и она еще вполне успела дойти...

А второй был уже в Румынии, когда их роту одну-единешеньку бросили закрыть прорыв из окружения крупной немецкой группировки с танками и артиллерией. Ну не оказалось больше поблизости никаких других частей и подразделений. Те, что котел сделали, – внутреннее кольцо окружения держали, а те, которых как раз и бросили маршруты отхода немцев перекрыть, – еще не подошли. Немцы раньше прорвались. Так и оказалась его рота, которая просто на марше была, передислоцируясь в другое место расположения, одна-единственная на пути прорыва немцев... Они тогда едва успели траншеи отрыть и оборону подготовить. И всю ночь дрались. Слава богу у немцев к тому моменту, как они к позициям роты вышли, всего по несколько снарядов на орудие осталось. Остальные при прорыве из «котла» израсходовали. И берега у того ручья, за которым рота позиции оборудовала, топкие оказались. Танкам никак не пройти. А сразу за ручьем кукурузное поле. Так что стрелять можно только вслепую... Но все равно бой дался дико тяжело. К утру от всей роты, в составе которой с вечера насчитывалось сто пятьдесят шесть человек, всего двенадцать живых осталось. И все раненые. Ну дык за ночь они шесть раз во встречную атаку ходили, раз за разом отбрасывая фрицев назад за ручей... Но немецких трупов на том самом поле потом насчитали более четырехсот. А сосчитать их смогли, потому что с рассветом к месту боя подошла танковая бригада. Так что немцев окончательно остановили, а потом они и сдались... Его за тот бой, когда все разрешилось, второй раз к Герою Советского Союза представили. И опять не дали. Представление аж до командующего фронтом маршала Толбухина дошло, который его и зарубил. Сказал: «Он же командир роты?» – «Так точно!» – «И где его рота? Ах нет – тогда обойдется Боевым Красным Знаменем».

Но зато из-за того боя мой дедуся оказался одним из немногих старших лейтенантов, о котором написано в академической двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны 1939–1945» – самой главной советской монографии о войне. Там-то больше о больших чинах и звездах написано. Ну и о всяких политических деятелях и организаторах производства. Старших лейтенантов там упоминается с гулькин нос. И дедуся – один из них. Я сам то место про него читал. Ну в будущем. Потому что этот двенадцатитомник пока еще не вышел. То есть тот самый том, в котором это описано. Сам-то двенадцатитомник аж десять лет печатался. Года с семьдесят второго, что ли. По тому в год... Да и Толбухин позже реабилитировался. Дедуся-то был офицером фронтового производства. То есть даже на курсах младших лейтенантов не учился. Прямо из старшины ему звездочку младлея на погоны повесили. Так что по всем приказам и инструкциям ему после объявления демобилизации по окончании войны прямая дорога была на гражданку. Но Толбухин, после того как с дедом поближе познакомился, заявил: «Я такого офицера из армии не отпущу!» И отправил его в ШУОС. Школу усовершенствования офицерского состава. В Сортавалу. После чего дед уже стал считаться прошедшим обучение и, следовательно, ценным кадром, который более не подлежал непременно увольнению... У деда до сих пор в альбоме фотография с Толбухиным хранится. Она мне потом

по наследству перешла. Я ее внукам, а потом и правнукам показывал, когда о дедусе рассказывал... И, кстати, не только с маршалом, но и с румынским королем Михаем. Ее сделали на аэродроме в Бухаресте вроде как во время вручения Михаю советского ордена Победы. Они там трое крупным планом – Толбухин, Михай и рядом молодой дед с шашкой наголо. Он в тот момент был «начальником объединенных почетных караулов города Бухареста». А на самом деле – начальником личной охраны (ну и заодно конвоя) короля Михая. А вы думали, как он с целым маршалом умудрился на короткой ноге оказаться? Хм-м-м... а вот интересно – он мне уже об этих случаях рассказал или мне еще только предстоит о них услышать? Бли-и-ин, я ж теперь столько записать смогу! Всегда жалел, что он ушел, а я так многого не дослушал и не спросил... А-а-а – нет, пока не смогу. Я ж еще писать не умею. Причем и «официально», и фактически. Потому как пытался... но руки как надо не работают. Координации в пальцах не хватает и точности движений. Так что придется мне, несмотря на все знания в моей голове, как и всем остальным, снова все эти палочки-крюпочки-кружочки целыми страницами рисовать. Ну а куда деваться?

Ладно, как бы там ни было – мне эта статья нужна была только лишь и исключительно для того, чтобы «залегендировать» свои занятия ушу. Я ее вообще вскоре собирался «потерять». Потому как между теми упражнениями, что делал я, и теми, которые описаны в статье, была очень большая разница.

Вечером, перед сном, бабуся прочитала мне эту статью. Вместо сказки. Я ее до того тоже просмотрел, но так, мельком. А тут бабуся прочитала мне ее своим хорошо поставленным, учительским голосом. Ну что сказать – кое-что интересное узнал, но галиматии в ней было тоже очень много. Не то чтобы я был таким уж крутым специалистом по восточным единоборствам, но кое-что знал... Больше всего статья в «Науке и жизни» напоминала мне полулегальные брошюры с приемами карате, которые стали во множестве появляться в начале восьмидесятых, во время бума карате, прокатившегося по Советскому Союзу после выхода на экраны страны фильма «Пираты XX века». Позже, в середине восьмидесятых, карате запретили, но это только добавило ему популярности. Тогда как раз началась перестройка, так что страна пошла в раздрай, и вскоре повсюду начали, как грибы после дождя, появляться всякие подпольные и нелегальные секции, «сэнсэи» которых рассказывали развесившим уши ученикам, будто карате запретили потому, что оно жуть какое грозное и потому проклятый советский режим приравнял его к боевому оружию. Боевое оружие ведь нельзя иметь. И карате заниматься тоже. Значит, приравнял... Вот в подобных секциях и ходили по рукам брошюры с похожим содержанием. Но то подпольные секции, а это – официальный научный журнал, выходящий под эгидой Академии наук СССР... Неудивительно, что дедуся так скептически улыбался после того, как ознакомился со статьей.

Следующие несколько дней я поднимался по будильнику за полчаса до завтрака и делал свою привычную зарядку. Дед, встав, заглядывал ко мне перед туалетом и, поглядев с полминуты на мои неуклюжие движения, на которые я переходил, едва только слышал, как открывается дверь гостиной, усмехался и качал головой. Как бы там ни было, благодаря этому я получил возможность заниматься почти легально. Нет, если бы дед увидел весь мой комплекс, а потом снова взял в руки статью – я бы непременно спалился. Но даже случайно увиденное им полноценное одиночное упражнение уже можно было объяснить. А на большее я и не рассчитывал.

Так что план развития, который я составил в своей голове, начал потихоньку претворяться в жизнь.

Глава 3

– У-а-ау. – Я сладко зевнул и покосился на круглый жестяной будильник, стоявший на столе в шаге от моего кресла-кровати. Сегодня опять удалось проснуться до того, как он зазвенел. Я потянулся, а потом сел на постели и, протянув руку, хлопнул по торчащему сверху будильника никелированному рычажку. Кнопка ушла вниз, и внутри будильника что-то хрустнуло. Это означало, что он не будет звонить как оглашенный. И – да, звонить это означало именно звонить. То есть бить металлом по металлу. Получившийся звук мог поднять мертвого. И, кстати, я слышал одну байку, когда так и произошло. Врач со «Скорой» рассказал. Приехали они по вызову к лежащему на улице телу. Подбежали, перевернули – понятно. «Синяк» и уже отходит. Ну делать нечего – клятва Гиппократ, так что сразу же стали проводить реанимационные мероприятия. Ну там адреналин в сердце, разряд, искусственное дыхание, непрямой массаж и так далее. Бесполезно! Сердце запускается, чуть потрепыхается – и снова стоп. Мучились они мучились, хотели уж бросать, но тут из открытого окна, что располагалось над головой, считай, у трупа, раздается звук вот такого будильника. И этот труп внезапно зашевелился, захрипел и начал подниматься. Бригада «Скорой» сначала охренела, потом бросилась к нему, в машину ж надо и в больницу, а он вырывается и хрипит:

– Пусти! Мне на работу...

Вскочив на ноги, я сладко потянулся и прыжком переместился в центр комнаты, приготовившись к началу зарядки. Сегодня у меня знаменательный день. Весь последний месяц я уговаривал дедуся и бабуся на то, чтобы они записали меня в бассейн. Далось мне это нелегко. Пришлось даже пообещать бабусе, что я начну-таки есть манную кашу, которую я всю жизнь на дух не переносил. Но получилось. И вот сегодня я не пойду в сад, потому что мы после завтрака поедем с дедом в бассейн договариваться с тренером. Почему договариваться? Да потому что четырехлеток в секцию плавания не берут. И даже если им, как мне, уже четыре года и три с лишним месяца – тоже. Занятия в спортивных секциях здесь начинаются минимум с шести лет. Считается, что раньше организм ребенка еще не готов к восприятию физических нагрузок. На фоне того, что через пятьдесят-семьдесят лет в секции по футболу, тайскому боксу и тяжелой атлетике записывали даже трехлеток, подобные ограничения кажутся мне излишними. Ведь профессиональный тренер всегда может подобрать для ребенка такие упражнения, которые ему не навредят, а, наоборот, позволят развиваться лучше и быстрее. Неважно, как называется секция. А уж на плавании для этого полное раздолье... Подобный подход скорее всего обуславливался тем, что там, в будущем, работа тренера оплачивалась за счет денег родителей юных спортсменов. Здесь же за все платило государство. Так что часть секций вообще была бесплатной. А остальные стоили такие копейки, что о них стыдно было говорить. Например, месячная оплата за занятия плаванием в городском бассейне с длиной дорожки двадцать пять метров составляла... восемь рублей! Вследствие чего тренерам не было никакой нужды гоняться за учениками. Наоборот, чем их было меньше – тем им легче. Поэтому с шести лет – и точка!.. И, кстати, именно это ограничение было одним из основных аргументов дедуся и бабуся против того, чтобы согласиться идти со мной записывать меня в бассейн. Но я сумел их переубедить. Эх, теперь бы еще с тренером договориться... Но на этот счет у меня был веский аргумент – дедуся!

– Уже вскочил? – усмехнулась бабуся, когда я после своего сеанса «утренней гимнастики» (ни на что большее мои занятия пока не тянули) сунул нос на кухню. – Тогда иди мойся и садись завтракать.

Я сунул нос к плите.

– Ух ты – жареные булки! Я щас, ба...

Жареные булки моя бабуся делала такие, что пальчики оближешь. Она брала уже слегка зачерствевший батон, резала его на бутербродные ломти, обваливала их в кляре, состоящем из яйца, муки и каких-то еще секретных ингредиентов, после чего метала на сковородку. А когда они покрывались тонкой хрустящей корочкой – щедро посыпала их сахарным песком. Песок от горячих булок плавился и образовывал еще одну корочку, которая вкусно хрустела на зубах и таяла во рту. М-м-м – объедение!

После завтрака мы с дедом – он в костюме, а я в рубашечке с длинными рукавами и темных брючках, то есть оба-два такие солидные, выдвинулись в воинскую часть, на территории которой он держал свою «Волгу». Именно на ней мы и приехали из города со слегка режущим слух названием – Арзамас-16, в котором я имел честь появиться на свет. В связи с чем уже в двадцать первом веке заимел неслабый гемор. Потому как кроме того, что после распада СССР городу вернули его историческое название – Саров, параллельно с ним переименовали и область – из Горьковской в Нижегородскую. В связи с чем сведения в моем свидетельстве о рождении и в моем паспорте совершенно не бились друг с другом. Что регулярно становилось причиной всяческих юридических коллизий...

В бассейне дед сразу же направился к директору. Тот сидел на третьем этаже в не слишком-то и большом кабинете, одна стена которого была занята открытыми полками, заставленными массой разнокалиберных кубков, а вдоль второй стояли два застекленных книжных шкафа с совершенно нестыкующимся содержимым. Первый был буквально забит канцелярскими папками и тонкими брошюрами в бумажных обложках, озаглавленными «Нормы ГТО» или «Квалификационные требования судей» либо «Спортивные нормативы по гимнастике», а также какими-то спортивными журналами и подшивками газеты «Советский спорт», а во втором на полках солидно и вольготно разместились мощные синенькие тома «Большой советской энциклопедии» и коричневые стандартные томики «Полного собрания сочинений В. И. Ленина».

– Добрый день, моя фамилия – Воробьев. Вам должны были позвонить...

– Да-да, Иван Федорович? Рад, рад знакомству... – Директор вылез из-за стола и с большим пиететом поздоровался с дедусей. – Тогаев Роман Геннадьевич. Чем могу помочь?

– Вот. – Дед слегка подтолкнул меня вперед. – Это мой внук. Кстати, ваш тезка. Он очень хочет заниматься плаванием.

– Ну-у, это не проблема! Поможем тезке с этим делом, – улыбнулся директор. – Сколько ему лет?

– Четыре.

– Хм-м... – Директор нахмурился. – А вот это уже проблема. У нас в секции принимают только с шести.

Дед развел руками:

– Я ему объяснял. Но он нас просто замучил! Прямо рвется на тренировки. Обещает очень стараться и во всем слушаться тренера. Так что если есть хоть какая-то возможность...

Директор окинул меня задумчивым взглядом, потер подбородок и нехотя кивнул:

– Хорошо. Давайте пойдем поговорим с тренером новичков...

Тренер новичков обнаружился на рабочем месте – у кромки бассейна. Это оказалась рослая женщина в спортивном костюме и с зычным голосом, которым она активно командовала:

– Кузовкин – ноги прямее держи! Балеева – не надо залезать грудью на поплавок. Руки прямее!

– Ирина Алексеевна, можно вас на минуточку? – обратился к ней директор, подойдя поближе.

– Так – всем стоп! Отплыли к бортику! – приказала тренер и только после этого развернулась к собеседнику. – Слушаю, Роман Геннадьевич.

Он наклонился к ней и негромко заговорил, кивая в нашу с дедусей сторону. Она некоторое время слушала его, а потом повернулась и окинула меня взглядом. После чего нахмурилась и отрицательно мотнула головой.

– Нет, вы что? Роман Геннадьевич, да даже если забыть об инструкции – вы посмотрите на его рост? Ему же даже в «лягушатнике» по горло будет! А если чуть отплывет – и вообще с головой... Нет, я категорически против! Он недостаточно взрослый для занятий.

Бли-ин! Первый шаг моего плана развития повис на волоске... Нет, научиться плавать я смогу и без бассейна. Тем более что в своем «первом» детстве я уже занимался плаванием. И достиг в этом пусть и скромных, но успехов – выиграл пару соревнований и заработал первый юношеский разряд. Так что бассейн мне нужен был не для того, чтобы научиться плавать, а для совершенно другого. Во-первых, плавание – это общее развитие. Причем всего – дыхалки, суставов, костей скелета, мышц плечевого пояса, ног, пресса, спины, общей выносливости и так далее. При плавании идет нагрузка практически на все группы мышц. А большего мне на данном этапе и не надо. К тому же эта нагрузка на первом этапе будет не особенно сильной. То есть опасности перенапрячься и перегореть у меня не будет. Особенно если вспомнить, что нагружаться я буду под присмотром тренера... Во-вторых, это регулярность занятий. Что бы я там ни хотел и ни думал – обеспечить себе регулярные физические нагрузки по полтора-два часа в день три раза в неделю я могу, только если меня запишут в какую-нибудь спортивную секцию. Ни в садике, ни дома мне этого сделать не удастся. Воспитатели и так загружены присмотром за большим количеством детишек, так что отвлекаться еще и на меня не будут. А заниматься самостоятельно не разрешат. Спортивные упражнения – вещь травмоопасная. Зачем им лишняя геморрой? Дома же бабуся тоже побоится оставлять меня без присмотра, но и отрывать полтора-два часа от своей домашней работы на пригляд за мной во время занятий тоже не согласится. Так что, если я хочу уже сейчас начать развиваться физически – выход один: спортивная секция. И плавание здесь было наилучшим кандидатом. В-третьих, плавание – это еще и прокачка выносливости. А это такая вещь, что пригодится как в любом другом виде спорта, так и просто в жизни. В моем юном возрасте с этим, конечно, надо пока быть довольно осторожным, но я это понимаю и не собираюсь с налета начинать изображать из себя супермена. Так что никаких проблем быть не должно. Однако для этого нужно убедить тренера меня взять...

Я решительно выдернул ладонь из руки деда и двинулся в сторону тренера. Подойдя вплотную, я ухватился своей ручонкой за руку тренера и, изобразив самый проникновенный взгляд, обратился к ней:

– Ирина Алексеевна, а можно спросить?

Тренер, до сего момента продолжавшая убеждать директора в том, что категорически не может взять на себя ответственность за столь мелкого ученика, вздрогнула и озадаченно уставилась на меня:

– М-м-м... ну спрашивай?

– А что делает человека взрослым?

Женщина удивленно вскинула брови. Ну да – подобного вопроса она не ожидала. Что может спросить четырехлетняя мелочь? А можно мне в бассейн? Или – а можно я с поплавком покупаюсь? Ну либо что-то подобное. А вот такой вопрос...

– Ну-у-у... не знаю, – несколько обалдело начала тренер. – Образование... – несколько невпопад предложила она. – Кхм, ну и физические кондиции...

– А мне говорили, что ответственность и дисциплина, – припечатал я. После чего сделал добивающий удар: – Мне соврали? Достаточно просто вырасти большим и получить аттестат, и я уже взрослый?

– М-м-м... нет-нет, конечно, тебе сказали правду! – Как я и рассчитывал при подобной постановке вопроса, в Ирине Алексеевне взял верх педагог. – В первую очередь взрослый – это именно ответственность и дисциплина.

– Ну тогда я – взрослый! – со всей серьезностью сообщил я этой замечательной женщине. – Можете быть уверены – со мной у вас будет куда меньше хлопот, чем с любым другим учеником. Пусть они и старше меня. А если это будет не так – гоните меня из секции вашей. Слова против не скажу. – Я сделал паузу, окинул тренера максимально серьезным взглядом и деловито поинтересовался: – Так когда мне приходиться на первое занятие?

Тренер беспомощно покосилась на директора, потом снова перевела взгляд на меня, затем вздохнула и, махнув рукой, произнесла:

– Ладно, приходи послезавтра к трем.

Всю дорогу домой дед поглядывал на меня с задумчивым видом, но я старательно не обращал на него внимания, изо всех сил демонстрируя незамутненную детскую радость от того, что все получилось. Впрочем, затрачивать на это какие-то особенные усилия от меня не требовалось. Достаточно было просто максимально отпустить контроль – и детское тело само все сделало.

– А кто тебе говорил, что взрослый – это прежде всего ответственность и дисциплина? – поинтересовался дедуся, когда я уже вылезал из машины в нашем дворе.

– Вер-ра Евгеньевна, – прорычал я. «Р» у меня уже получалось почти всегда, но иногда вот так, рычаще. – И это она не мне говорила, а Тише. Ну, когда он чашку разбил. А я запомнил.

Такой случай действительно произошел недели три назад... Жиртрест оказался тем еще шкодником. После того происшествия в туалете он попытался ко мне подлизаться, но у него ничего не получилось. Мне претило демонстрируемое им передо мной лизоблюдство. Похоже, Тиша вообще умел практиковать лишь два типа отношений – гнобление слабых и лизоблюдство перед сильными. Меня он признал сильным. Ну как минимум на какое-то время. Так что попытался привычно полизоблюдствовать. Но мне это не понравилось. Вследствие чего в настоящий момент мы с ним типа вращались по разным орбитам. Он не лез ко мне, я не трогал его. А вот момент подгадать кому-то другому он упустил редко. Но, поскольку свои гадости он делал с изобретательностью четырехлетки, то чаще всего его потуги оказывались замечены воспитательницей или нянечкой. Что непременно влекло за собой как минимум нравоучения. А часто и наказание. Впрочем, абсолютно безрезультатные. Такой уж характер...

– Хм, понятно, – хмыкнул дед и махнул рукой. – Ну беги к бабусе. Она ответит тебя в садик. А я на работу...

В саду мое более позднее появление особенного ажиотажа не вызвало. Воспитательница была предупреждена, а с детьми я особенно не контактил. Блин, ну сами подумайте, на какой основе я в принципе мог бы законтрачить с малолетками? Какие у меня могли быть общие интересы с четырехлетними детьми? Так что за те почти три месяца, что я уже находился в прошлом, мне удалось приучить всех, что я как бы отдельно от группы. Сам по себе. Слава богу, тот мой уход из садика, во время которого я и перенесся в свое юное тело, состоялся буквально на первой неделе моего пребывания в детском саду. Так что воспитатели еще не успели хорошо изучить мой характер. Тем более что, как выяснилось, тогда действительно был июнь. То есть начало лета. И потому часть воспитательниц и нянечек уже успела уйти в отпуска. Поэтому оставшихся воспитателей и остальной персонал часто «тасовали», отправляя подменять ушедших в отпуск коллег в другие группы. Алевтина Александровна, кстати, как раз и оказалась из таких «подменных». Потому что вторая из наших «штатных» воспитательниц помимо Веры Евгеньевны – Эльвира Микаэловна в тот момент находилась в отпуске. Причем ушла она в него буквально через три дня после того, как я появился в группе. А Алевтина Александровна в нашей группе появилась вообще в первый раз. Что же касается Веры Евгеньевны, то она в тот момент тоже часто выходила на подмены, появляясь в своей «штатной» группе максимум

пару-тройку раз в неделю. Увы, «скользящий график» – вещь шибко муторная... Так что в конце концов моя не слишком контактная манера поведения была воспринята нашими воспитательницами как вполне для меня естественная. Ну характер такой у ребенка – куда денешься? И хотя в первые пару месяцев они пытались как-то вовлечь меня в общие детские игры, но, не добившись в этом особых успехов, решили оставить меня в покое. Режим я после того случая, который было решено считать издержками привыкания, не нарушал, не скандалил, не дрался, вел себя по большей части тихо и спокойно – так чего меня зазря дергать-то?

Кстати, мои надежды на то, что те изменения в привычном поведении, которые у меня, несомненно, произошли (не могли не произойти, как бы я сильно ни старался вести себя «как обычно»), будут также отнесены на стресс от отдачи меня в детский сад, также полностью оправдались. Типа новые люди, новые правила, новые непривычные требования к поведению, а у ребенка в этом возрасте такая слабая психика... Во всяком случае, именно так бабуся и рассказывала это деду в один из вечеров после ужина.

Когда бабуся, передав меня воспитательнице, ушла, как раз наступил обед, после которого пришло время дневного сна. Разложив постель, я юркнул под одеяло и задумался. План на первое время был полностью выполнен – я не спалился, обжился и даже начал активно заниматься собственным развитием. Так что пришло время думать над тем, как вообще я хочу построить свою жизнь. Чем заняться? Чего добиться? С кем прожить эту новую жизнь? Впрочем, с последним вопросом мне все было ясно. Несмотря на то что я в принципе теоретически мог организовать себе в будущее подруги и спутницы жизни почти кого угодно – от супермодели, например, Натальи Водяновой или, чем черт не шутит, даже и Мелании Кнавс (будущей Трамп) и до дочки Березовского или там принцессы-красотки Шарлотты Казираги (с таким-то знанием о будущем), на самом деле кандидатура в будущие супруги у меня была только одна – моя прежняя любовь. Моя Аленушка. Она сейчас тоже жила где-то в этом городе. Где-то – потому что того дома, в котором она жила, когда я с ней познакомился, еще не было. Не построили его пока. Ну да и ладно. И вообще, лучше всего будет, если я с ней познакомлюсь так и тогда, как и когда это произошло в прошлый раз. Ей в тот момент был двадцать один год, и она перешла на пятый курс МГРИ им. Серго Орджоникидзе. Потому что в этом случае она точно уже будет именно тем человеком, с которым мы прожили душа в душу шестьдесят лет. Ибо к тому моменту она приобретет весь необходимый для этого жизненный опыт, переживет все свои детские любви и разочарования, накопит достаточный багаж неудач и провалов... Да, так и следует поступить. Так что один вопрос у меня отпадал, а его воплощение в жизнь отнеслось ажно на восемнадцать лет вперед.

Что же касается других планов... сначала у меня возникла идея заделаться вундеркиндом. То есть по-быстрому окончить школу – лет эдак в двенадцать, максимум в четырнадцать, после чего так же быстро пролететь институт. Ну, чтобы к восемнадцати, то есть возрасту полной официальной дееспособности, стать уже совершенно самостоятельным – с дипломом, профессией и, возможно, кое-какими связями. Ну неужели в верхах не обратят внимания на юного вундеркинда? Точно же должны заметить! Если уж не сам Дорогой Леонид Ильич, но все равно кто-нибудь важный и влиятельный... Однако затем, подумав, отказался от этой идеи. Почему? Да потому что время до восемнадцати лет можно было бы потратить более плодотворно. Я ведь не смогу пройти всю школьную программу на так сказать «старом багаже». Пусть историю и, скажем, географию я знаю куда лучше школьной программы, но из той же химии я не помню почти ничего. Как и из астрономии, биологии и еще тучи разных предметов. Так что все их придется учить. Да и с историей с географией тоже не все так однозначно. В школе ведь от меня потребуют ответы в соответствии с тем, что написано в современных учебниках, а по истории они все сейчас жестко завязаны на марксизм-ленинизм. Потому что здесь и сейчас история – предмет жестко политизированный и почти на все исторические события смотрит через призму классово-теории. И какой будет реакция учителя, когда я буду

рассказывать, скажем, о восстании Уолта Тайлера или событиях Великой французской революции словами лондонского или парижского гида либо статей из интернета, которые я помнил куда лучше школьных учебников (ну так и читал-то я их лет на тридцать-сорок позже них), мне даже сложно представить. Тут, пожалуй, вызовом к директору не обойтись – могут и из комсомола турнуть. А это, считай, полный и окончательный крест на последующем высшем образовании. Ну, возможно, за исключением ветеринарного или сельскохозяйственного... Так что, если я решу пойти по этому пути – учиться мне не переучиться. А это время, которое можно потратить с куда большим толком. С каким? Ну, во-первых, тот же спорт. Он мне точно будет нужен, чтобы сохранить свой организм в наилучшем состоянии до момента появления теломерной терапии. Открытие которой я к тому же собирался намного ускорить. В моей прошлой жизни теломерную терапию для продления активной жизни людей и замедления старения начали использовать только в конце двадцатых, но заниматься исследованиями природных материалов, на базе которых потом были разработаны медицинские препараты, начали, насколько я помнил, чуть ли не за тридцать лет до этого. Ну, так писалось в тех статьях о теломерной терапии, которых я когда-то прочитал туеву хучу... И вот ведь анекдот – столь важное открытие состоялось почти случайно. Потому что изначально программа, результатом которой стала разработка методики теломерной терапии, была направлена вовсе не на замедление старения и соответственно продление жизни человека – подобным занимались совершенно другие и куда более богатые организации, была направлена на увеличение периода лактации и повышение уровня продуктивности крупного рогатого скота. Причем это была совместная программа боливийского и перуанского Минсельхозов с соответствующим финансированием. Вследствие чего «побочный» эффект был обнаружен только через двадцать с лишним лет неспешной работы. После чего его еще несколько лет неторопливо исследовали... Так что, если успеть заработать денег и вложиться, вполне можно пободаться за то, чтобы сдвинуть сроки выхода первого, тестового, продукта минимум лет на двадцать, а то и на двадцать пять пораньше. Тем более что, где искать исходное сырье, я знаю – Южная Америка, граница Перу и Боливии, район озера Титикака. Там росла некая травка, название которой я напрочь забыл, но сам внешний вид помнил отлично. Потому как именно с этой травки был срисован логотип самой крупной компании – производителя препаратов для той самой теломерной терапии. Вследствие чего узнать ее по рисунку в каком-нибудь справочнике я должен был. Ну есть же какие-нибудь справочники по эндемикам высокогорных Анд? Или есть вариант просто туда съездить и посмотреть вживую. Раз у меня будут деньги на исследования, то уж на поездку-то точно хватит. А эта травка там, насколько я помнил, что-то вроде местного сорняка, то есть встречается довольно часто... Нет, позже были обнаружены и другие «исходники» – в Индии, в Китае, в Африке, даже у нас на приполярном Урале тоже что-то отыскали. Да и попытки создания искусственного активного вещества не прекращались ни на минуту. Но наибольший выход активного компонента к моменту моей смерти все так же выдавала именно эта травка. Из-за нее в Южной Америке даже война разразилась. Ну за контроль над местами ее произрастания. Сначала между Перу и Боливией, а потом в эти разборки влезли и чилийцы... Так что, как ни крути, спорт нужен однозначно. В самом лучшем случае с теломерами я смогу чего-то добиться только к середине, в самом лучшем случае в начале девяностых – до того ни денег, ни возможностей даже хотя бы просто выехать за границу у меня не будет. Ну если только не уйти «на рывок». Но подобный поступок так сильно ударил бы по моим родным, что я этот вариант даже не рассматривал... А в середине девяностых мне уже будет за тридцать. То есть, получается, минимум пять лет уйдут псу под хвост. Причем это еще в лучшем случае! Потому как совершенно не факт, что у меня все получится более-менее быстро. Кто его знает – может, первые образцы препаратов подобного эффекта не имели. А потом типа развились технологии, там появились разделительные центрифуги нового поколения или какие другие технологические процессы перешли на следующий уровень – вот тогда все и получилось. Так что

варианта, что на самом деле препарат появится приблизительно в те же сроки, что я помнил, тоже исключать нельзя... Спорт же позволяет держать организм на пике и в тонусе несколько дольше, чем с этим способна справиться твоя собственная генетика. То есть при реальном «тридцатнике» по паспорту с помощью спорта можно сохранить организм в состоянии если не двадцати пяти, то как минимум двадцати семи – двадцати восьми лет. И чем дальше, тем эта разница все больше и больше возрастает. То есть к пятидесяти она вполне может составить уже десять, а то и пятнадцать лет... В прошлой жизни я эту возможность, можно сказать, похерил. Поскольку спортсменом был не очень активным. Нет, кое-чем занимался – занимался плаванием, бегал на лыжах, причем неплохо, в межшкольных соревнованиях по биатлону участвовал, а в пятьдесят во время поездки в Андорру даже сподобился встать на горные лыжи. Но и только. Причем бросил я все эти занятия довольно быстро. И снова вернулся к спорту, то есть, если быть точным – физкультуре, когда без нее уже не смог ни нормально сидеть, ни стоять, ни даже лежать... Выпавший мне второй шанс давал возможность не совершать подобной ошибки, особенно учитывая такую мотивацию. Причем на этот раз я собирался развиваться максимально всесторонне. Так что бассейном я ограничиваться не думал. Через год, когда Ирина Алексеевна начнет считать меня перспективным (а она начнет – уж я об этом позабочусь), в планах было пойти на гимнастику. Развивать гибкость, координацию и вестибулярку. А там, глядишь, и бегом займусь. Да и почему бы еще чем другим не заняться? Например, горными лыжами и велосипедом... Ну а лет с одиннадцати можно потихоньку перейти на бокс и какую-нибудь борьбу. Типа самбо. Секция самбо у нас в городе точно имелась. Аленкин старший брат в ней занимался вроде бы... А его друг Миша – точно! Он вообще до мастера спорта умудрился дорасти... Только непонятно, в какие годы эта секция появилась. Ну там будем посмотреть – но на самбо я точно пойду. Ушу-то у меня чисто оздоровительное. Ну, возможно, частично и развивающее. Все-таки, похоже, с этой самой «энергией» не все так однозначно. Чувствую я ее. И даже научился понемногу гонять по телу не только лишь во время тренировки, но и просто. Например, в садике во время дневного сна. Недолго правда, минут пять-семь, после чего я просто засыпал...

Ну и, кроме этого, я собирался поступить в художественную и музыкальную школы. И та, и другая в городе имелись... Тренировать мелкую моторику тоже нужно. Все-таки неразвитость тела меня сейчас довольно сильно ограничивает. Да и просто умение изобразить что-то на бумаге или сбавать «крутой хит» на гитаре в жизни много где может пригодиться – от молодежной компании до армейского подразделения. Не говоря уж об общем развитии. В прошлой жизни мне очень пригодились сохранившиеся в памяти обрывки воспоминаний о том, что мне преподавали на уроках по предмету «История искусств», курс которых был включен в программу художественной школы. Очень, знаете ли, приятно было, стоя перед картиной Эль Греко в музее Прадо или той же «Моной Лизой» в Лувре, чувствовать себя не полным и абсолютным нубом, а человеком, кое-что об этом знающим. Когда рассказ экскурсовода ложится на, так сказать, «старые дрожжи» – и запоминается все куда лучше, и выглядишь при этом в глазах как своих, так и семьи намного круче... Кроме того, были и другие планы – прыжки с парашютом, планер, может, даже и легкомоторная авиация, мотоцикл, горные лыжи, яхтинг... Помните анекдот: «Почему, когда говорят, что „В жизни надо попробовать все“, то имеют в виду секс, бухло и наркотики, а не альпинизм, виолончель и ядерную физику?» Так вот я собирался заняться именно вторым «набором». Причем максимально его расширить. Вследствие чего свою вторую жизнь я должен был прожить куда интереснее, чем первую. Хотя и на первую, если честно, было грех жаловаться. Но вторая точно будет круче – с кругосветкой на яхте, с подъемом на Фудзияму и спуском в кратер вулкана Амбрим, с купанием в водопадах плато Путорана и пешим двухнедельным путешествием по древним инкским дорогам от Куско к Мачу-Пикчу. А там и еще что-нибудь придумаю...

Да и вообще детство и юность – лучшее время для ускоренного развития. И «сливать» его, пытаясь побыстрее стать взрослым, – несусветная глупость. Ну сами посудите – организм еще свеж и восприимчив, а думать о том, где спать, что жрать, во что одеваться, не нужно. Ну то есть подобные задачи, конечно, есть, но решаешь их не ты, а родители. Или бабушка с бабушкой. То есть от развития эти проблемы тебя никак не отвлекают... И наоборот, возможностей для твоего развития – пока ты ребенок – воз и маленькая тележка: спортивные секции, кружки в Доме пионеров, музыкальная и художественная школы, детские коротковолновые любительские радиостанции. И стоит все сущие копейки! Причем нацелено все это в основном и в первую очередь именно на детей. Да у взрослых сейчас и десятой части подобных возможностей не наберется. Не говоря уж о том, сколько времени им приходится тратить на работу и всякие заботы по хозяйству.

И пусть в нашем городке имелось не все потребное. Например, аэродрома и соответственно аэроклуба в нем не было и не предвиделось. Но я планировал годам к тринадцати-четырнадцати настолько войти у родных в доверие, что для них стало бы естественным отпускать меня одного в Калугу на, скажем, занятия в аэроклубе. Там аэроклуб точно имелся... Но когда всем этим заниматься, если я «пойду в вундеркинды»?

Что же касается чего-то глобального – то, скажем, спасти СССР я не планировал. Нет, я бы точно не расстроился, если он сохранился бы, но только не в том виде, к которому эта страна пришла к концу семидесятых – началу восьмидесятых. «Тащи с работы каждый гвоздь – ты здесь хозяин, а не гость» – это ведь как раз из тех времен. Как и: «Бригада – кому нести чего куда» вместо Бригады коммунистического труда. Либо: «Они делают вид, что нам платят, – а мы делаем вид, что работаем». Да уж – горько народ шутил... Или, скажем, откуда появились такие понятия, как «несуны» или «недострой»? Как вообще в ПЛАНОВОЙ экономике может возникнуть даже само понятие «недострой»? Она же плановая! Помните же: «План – закон, выполнение его – долг, перевыполнение – честь!» И как при этом может в ней что-то недостроиться? Или планы такие были? Тоже «недостроенные». Как и планировщики...

А еще я помнил, как уже с пятого класса после школы, бросив портфель, бежал к двум часам к гастроному – занимать очередь за колбасой. Притом что колбасу в магазинах нашего города начинали продавать только с пяти часов. Сделано это было потому, что рабочий день на большинстве предприятий города заканчивался в шестнадцать сорок пять. И в горисполкоме вполне справедливо предполагали, что если ее начать продавать раньше, например, с тех же двух часов, то к тому моменту, когда народ пошел с работы, – колбасы бы уже в магазинах не осталось. Все размели бы бабульки с окрестных деревень и мамочки-декретницы. Вот только с объемами власти немного не подрастали. Наверное, не приняли в учет тех самых бабулек. Так что колбасы не хватало все равно. Вследствие чего, если не занять очередь заранее, то с колбасой был гарантированный пролет. Так что к магазину нужно было приходиться к двум часам. Ну если ты хотел точно не пролететь с этим делом... И это еще у нас в городе со снабжением было хорошо, потому что у нас колбаса была. Двух видов: «по два двадцать» и «по два девяносто». А в окрестных деревнях и поселках в госмагазинах она отсутствовала как класс. Напрочь. Вместе с мясом, рыбой и десятком других вполне повседневных продуктов. Там все это можно было купить только в кооперативных магазинах, но по цене в два, два с половиной раза дороже. Чем, кстати, и объяснялось засилье бабок из окрестных деревень и поселков в наших магазинах... А ведь это был семьдесят пятый год. Считаю самый пик советского развития! В космос летали, ледоколы и плотины ГЭС строили, балет гремел, советский цирк и ансамбль «Березка» на гастролях в Европе и Америке собирали аншлаги... Но как я смогу на это повлиять – я не представлял. Нет, в книгах по альтернативной истории, которые я и читал, и даже писал, все выходило. Но вот в жизни... В восьмидесятом мне исполнится семнадцать лет. Кто будет слушать подобного сопляка? Даже если я покажу себя вундеркиндом. Сахарова – академик, трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Сталинской, Ленин-

ской и даже, насколько я помню, Нобелевской премий, а также создателя советской водородной бомбы, никто не послушал. А когда он стал настаивать на своем – просто сослали в Горький, плюнув на то, что он был гениальным ученым и разработчиком и мог ой как много сделать для советской оборонки и атомной промышленности. Даже на это не посмотрели, несмотря на то что уж оборонка в СССР всегда была «священной коровой»! А уж слушать какого-то юного вундеркинда вообще никто не будет... Потому что считается, что страна строится на сугубо научной основе под названием марксистско-ленинская теория научного коммунизма. И пусть «верхушка» в нее уже скорее всего не шибко-то и верила, но «дать слабину» она себе позволить никак не могла. Причем, как показало дальнейшее развитие событий, – оказалась в этом совершенно права. Едва только слабина появилась – как СССР рухнул! Причем без мировой войны и наличия «партии нового типа», как это произошло в случае с «давно прогнившей и шатающейся» Российской империей... И куда мне соваться такому красивому с охренеть какими гениальными идеями? А уж если я заявлю, что я из будущего и знаю, какой жопой оно все обернется, – психушка покажется для меня лучшим вариантом... Так что, увы, СССР мне не спасти. Но сделать так, чтобы моя семья и близкие пережили катастрофу девяностых с намного меньшими потерями, чем это произошло в прошлый раз, я не просто хочу, но и считаю себя обязанным. Ну а если в процессе этого удастся сделать что-нибудь и для страны – буду только рад. На этой мысли я и уснул...

Вечером, за ужином, дедуся в лицах рассказал бабуся, как я раскрутил тренершу на то, чтобы взять меня в секцию. Та улыбалась и кивала, а потом строго посмотрела на меня и спросила:

– Ты понимаешь, что взял на себя серьезные обязательства?

– Да, бабуся...

– И что тебе придется сильно постараться, чтобы твои слова не стали пустым сотрясением воздуха? Я не хочу, чтобы из моего внука вырос пустопорожний болтун!

Я вздохнул и кивнул головой:

– Понимаю. И буду очень стар-раться.

– Хорошо. – Бабуся удовлетворенно кивнула и потрепала меня по голове. – Ну иди поиграй. А мы с дедусей еще тут посидим, на кухне.

Я вернулся в свою комнату и, быстро раздевшись, вышел на середину. Раз дед и ба застряли на кухне с разговорами – можно провести тренировку пораньше и растянуть ее на подольше. К девяти они точно выберутся с кухни – программа «Время» была обязательным пунктом дневного расписания, но пока до этого было еще далеко. Я встал в стойку и начал глубоко дышать, стараясь, как это писалось в сонме всяческих брошюрок по «духовному развитию», которые я время от времени почитывал в электричках, когда еще регулярно мотался в Москву, «разогнать по телу энергию». Да что там какое-то «разогнать энергию» – я тут даже уже несколько дней пытался заняться медитацией. Но пока не получалось никак. Причем проблемы присутствовали на всех этапах. От первого до-о-о... ну до последнего я еще не добрался ни разу. Для классической позиции со сложенными ногами у меня пока не хватало наработанной гибкости, а в позиции «сядьте поудобнее» я чаще всего засыпал. Или мне просто надоело долгое сидение в неподвижности, от чего я начинал злиться и прекращал это дело... Следующим пошли чжэнъяцзянь. Они у меня теперь получилась намного лучше, чем в самом начале, и заметно лучше, чем в оставшейся только в моей памяти старости. Господи, как же здорово снова быть юным! Ну, когда ничего не болит, не хрустит и не скрипит и впереди еще вся жизнь! Блин, если все вот это вокруг – бред впавшего в кому старика, я не знаю, что с собой сделаю, если, не дай бог, очнусь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.